

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<https://sthb.petrso.ru>

№ 4(25). Декабрь, 2022

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Кабанова
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrso.ru
<https://sthb.petrso.ru>

Содержание № 4. 2022.

ФИЛОСОФИЯ

ТРУФАНОВА Е. О.	К 90-летию юбилею В. А. Лекторского ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДИАЛОГА	3 - 12
ПИРОЖКОВА С. В.	ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ	13 - 22
ВОЛКОВА С. В.	THE PHENOMENON OF BOREDOM IN EDUCATION	23 - 27

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

СУВОРОВА И. М.	ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА АНТИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЛИЦЕЙ»)	28 - 32
ШПИНАРСКАЯ Е. Н.	MEANS AND METHODS OF BUILDING EMOTION IN ONLINE FLASH FICTION	33 - 38
ВАСИЛЬЕВА С. В., ПАВЛОВА Е. А.	ОСНОВНЫЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА СТЕЙНБЕКА	39 - 48

Хроника научных мероприятий

СУСЛОВА Е. Д.	АРКТИКА И СЕВЕР ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ - 2022	49 - 56
---------------	--	---------

УДК 165.5

К 90-летию юбилею В. А. Лекторского ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДИАЛОГА

**ТРУФАНОВА
ЕЛЕНА
ОЛЕГОВНА**

*доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник сектора теории
познания Института философии РАН,
Институт философии РАН,
Москва, Российская Федерация, iph@etrufanova.ru*

Ключевые слова:

реализм
знание
социальный конструкционизм
цифровизация
реальность
постправда
недоверие
доверие

Аннотация:

В современной эпистемологии происходят изменения, связанные с трансформациями среды обитания человека, прежде всего, вызванными цифровизацией. В эпистемологии сейчас доминируют две противостоящие тенденции – «натурализирующая» и «социализирующая». Можно предположить, что усиление тенденции «натурализации» эпистемологии является реакцией на главенствующую ранее социально-конструкционистскую тенденцию, характеризующуюся отказом от эпистемологического реализма и подвергающую критическому пересмотру понятия истины, реальности, объективности и знания. Для этого подхода характерно представление о зависимости знания от социальных факторов, где знание – инструмент в руках власти, т. е. тех социальных групп, которые обладают силой принуждения других к своему пониманию реальности. Такие представления ведут к обесцениванию авторитета науки и знания в целом, и опасны тем, что вызывают дезинтеграцию общества, поскольку возможность говорить об общей реальности отрицается, и каждая социальная группа обладает своим «знанием» о мире. Между познающим субъектом и реальностью формируется радикальный разрыв, поскольку современный человек имеет дело с большим количеством информационных потоков, а также цифровых объектов и взаимодействий, так что знания, получаемые в непосредственном опыте вытесняются информацией, получаемой опосредованно через различные источники, преподносящие информацию искаженно. Проблематичной является и современная цифровая среда, которая устроена так, что замыкает человека в привычных ему картинах мира, не позволяя выглядывать за их пределы и видеть альтернативные точки зрения. Ключевой проблемой становится утрата доверия – современный субъект не имеет критериев, по которым он мог бы отбирать надежные, заслуживающие доверия источники информации, и в итоге не доверяет никому, что становится существенным препятствием для познания. Можно сделать вывод, что обращение к реализму важно не только для решения вышеуказанных эпистемологических проблем, но и для диалога между

разными социальными группами, что необходимо для выживания человечества.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 24 декабря 2022 года

Опубликована: 24 декабря 2022 года

Современная эпистемология (или теория познания) претерпевает изменения, влекомые трансформациями среды, в которой сегодня оказывается субъект познания – человек. Абстрактно-теоретические вопросы, которыми, на первый взгляд, занимается эпистемология – вопросы, связанные с проблемой знания, критериями истины, взаимосвязями субъекта и объекта познания – не только не утрачивают своей теоретической значимости, но и раскрываются в конкретной практике, давая возможности для разных интерпретаций. Наверное, и использование русскоязычного названия дисциплины «теория познания» является не совсем точным, поскольку эпистемологи говорят не об одной теории, а о множестве различных теорий познания. Теорий, которые рассуждают о том, как связаны сознание и мир за его пределами, как то, что у нас в голове, соотносится с тем, что находится во внешнем мире, как именно мы можем что-то *знать*. В современной философии ставится под вопрос возможность знания как такового: что мы можем называть знанием, если вместо реальности мы говорим о постреальности, а вместо истины – о постправде? Как возможно вычленить знание среди множества «нарративов» – субъективных высказываний о мире, транслируемых множеством различных информационных источников? Думается, что сохранить представление о знании возможно только обратившись к эпистемологическому реализму, укрепление позиций которого могло бы сыграть важную роль не только в эпистемологических исследованиях, но и в социальной жизни, находящейся сейчас в периоде турбулентности.

Эпистемология между «натурализмом» и «социальным поворотом»

В современной эпистемологии можно наблюдать столкновение двух крайностей, двух противоположных тенденций – «натурализирующей» и «социализирующей». Успехи современных нейронаук и иных дисциплин, относящихся к тому достаточно расплывчатому в современной философской и научной литературе комплексу, который называют когнитивными науками, не оставляют эпистемологии иного выбора кроме как прислушиваться к тем результатам, которые они получают [9]. Тенденции к «натурализации» в эпистемологии сегодня достаточно сильны: формулируются и получают распространение программы нейрофилософии, нейрофеноменологии, культурной нейронауки и др. Вместе с тем добываемые в рамках естественнонаучных исследований результаты вовсе не являются окончательными решениями эпистемологических проблем, как это можно было бы предположить в позитивистском духе, скорее наоборот – это ситуация, когда огромные массивы необработанных, т. н. «сырых» эмпирических данных требуют формулировки новых теорий или пересмотра старых, а также ставят новые вопросы внутри все тех же классических проблем. Крупнейший отечественный специалист по эпистемологии В. А. Лекторский, обсуждая тенденции «натурализации» эпистемологии, отмечает, что эпистемология «не растворяется в когнитивной науке, а, взаимодействуя с ней, не теряет нормативного характера, так как анализирует предпосылки концепций когнитивной науки и критически их оценивает» [7: 26]. В свою очередь известный отечественный феноменолог Н. М. Смирнова в своем критическом анализе натурализации в эпистемологии (на примере нейрофеноменологии) справедливо утверждает: «то, что феноменологии, как и философии в целом, свойствен живой интерес к научным открытиям в изучении сознания, вовсе не означает, что она должна разделять эпистемические интерпретации, которые сама наука дает своим открытиям» [11: 65]. Вместе с тем натурализация эпистемологии может рассматриваться как следствие усиления позиций эпистемологического реализма, как полагает Н. М. Смирнова, это можно рассматривать как «философский ответ на цифровую виртуализацию многих сторон современной жизни» [11: 58].

Одной из причин популярности «натуралистического» философского ответа сегодня является то, что в последние десятилетия в эпистемологии были сильны совершенно противоположные тенденции, связанные с т. н. «социальным поворотом» в эпистемологии [13], и тенденции эти сохраняют свою популярность и по сей день. Сам термин «эпистемология», бывший когда-то частью сугубо академического философского лексикона, начинает звучать не только в близких к философии дисциплинах, таких как политология (к примеру, на политологическом факультете МГУ есть учебный курс «Проблемы политической эпистемологии»), но и в общественной публицистике. Это связано с

популярностью конструктивистских, в первую очередь – социально-конструктивистских взглядов в форме социального конструкционизма, сторонники которого акцентируют прямую зависимость понятия «знания» от того, что они называют «властью» [17; 18]. Власть у социальных конструкционистов – широкое понятие: это не только непосредственно политическая власть, но и социальное большинство, и определенные влиятельные социальные группы, и «официальная» наука как соратник или просто инструмент государственной власти или сильных экономических агентов. В целом здесь надо иметь в виду второй перевод слова power (а социально-конструкционистские работы преимущественно написаны на английском языке) – сила. В этом смысле показательно название недавно переведенной на русский язык книги Стива Фуллера «Постправда. Знание как борьба за власть» [15] – в оригинале «Post-truth. Knowledge as a power game», точнее было бы сказать даже «Знание как силовая игра», что имеет близкий, но все же несколько иной смысл. Властью являются те, кто обладают силой, позволяющей принудить всех прочих к своей точке зрения, которую объявляют «истиной» или «истинным знанием». Для подобного принуждения могут использоваться различные методы, включая апелляцию к эпистемическому авторитету науки, что, в свою очередь, работает на снижение этого авторитета.

Причины изменения статуса научного знания, которые приводят к рассмотрению науки как одного из «силовых» инструментов, интересно анализирует О. Б. Кошовец на примере экономической науки. Рассматривая трансформацию понятия объективности в науке и за ее пределами, Кошовец показывает, что объективность, являясь эпистемической ценностью науки, утрачивает ряд своих характеристик, когда попадает в среду, связанную с государственным управлением. «Исторически научность непосредственно связана с научным этосом и с объективностью как способностью знать вещи такими, какие они есть на самом деле (реализм). В принципиально иной, нежели академическая сфера, среде, коей является государственное управление, научное знание (и, соответственно, научность) приобретает совершенно иные функции. Сначала знание – это необходимое условие модернизации, неотъемлемый элемент прогресса, а затем лишь средство легитимации, обеспечение тех или иных действий субъектов управленческой деятельности символическим капиталом (авторитетом) науки» [5: 185].

Здесь можно заметить, что наука предстает в двух разных ипостасях – в рамках академического сообщества она продолжает сохранять приверженность своим эпистемическим ценностям, подобным объективности, тогда как в социально-политической сфере результаты научной деятельности используются для усиления позиций тех или иных политических агентов. Кошовец полагает, что наука теряет свой эпистемический авторитет в результате обращения к науке государственно-административных и коммерческих структур для решения своих практических задач: «...следствием капитализации науки является изменение эпистемологического статуса субъекта научного познания и, как следствие, авторитетности и легитимности производимого им знания, которая во многом обеспечивалась таким свойством и самого знания, и познавательных практик, и субъекта познания, как объективность. В социальной плоскости это проявляется в утрате учеными особого положения в обществе и их привилегий на производство наиболее ценного знания, которое лежит в основе системы образования и формирует современное мировоззрение (научную картину мира), – закономерно происходит размывание границ между различными видами знаний и субъектами, их производящими...» [5: 173].

Итак, ученый перестает видаться как кто-то, кто исповедует ценность объективности, а следовательно, производимое им знание уравнивается в статусе с любым другим высказыванием о мире. Это не вполне справедливо, поскольку ангажированность и, следовательно, отступление от принципа объективности необязательно присутствуют в самом научном исследовании, значительно чаще мы имеем дело с ситуацией, в которой результаты научного исследования трактуются определенным субъектом в своих интересах. Поэтому по сути мы часто неправомерно переносим свое недоверие к властному субъекту на науку саму по себе. Это снижение доверия к науке одновременно снижает и перспективность разговора о реализме – ведь если мы не доверяем даже тому, что наука с ее строгими критериями аргументации и проверки результатов исследований говорит о реальности, то значит никакие валидные высказывания о реальности в принципе невозможны.

Из подобной позиции, акцентирующей зависимость знания от «власти»/«силы» делается ряд необоснованных и логически неверных выводов.

Вывод 1: Все, что высказывается «властью» – истиной не является, поскольку власть выдает выгодную себе версию за единственную правильную. Соответственно, делается неверное обобщение, где частное суждение («власть иногда утверждает нечто, что не является истиной») подменяется

общим суждением («*власть никогда не утверждает ничего, что является истиной, или попросту – власть всегда лжет*»). Так, любое высказывание, сделанное с позиций силы, будет встречено недоверием.

Вывод 2: Мнение, высказанное с альтернативной власти позиции должно считаться более весомым, поскольку за ним не стоит силового аппарата принуждения и подавления, которым обладает власть. Ангажированность такого альтернативного мнения не берется в расчет, оно а priori заслуживает больше доверия, нежели «провластная» позиция.

Вывод 3: «Знание» у каждой социальной группы свое – то, которое наиболее выгодно данной социальной группе и наиболее импонирует мировоззрению ее представителей.

Вывод 4: Нет никаких универсальных критериев проверки истинности знаний, а значит – любое «знание» гонится, используя выражение Пола Фейерабенда – *anything goes*.

Эти выводы не только логически ошибочны и необоснованны, но и потенциально вредны и даже опасны для общества, поскольку ведут к его дезинтеграции, противопоставляя различные социальные группы и их системы «знаний» друг другу. В итоге мы получаем такое общество, в котором отсутствует доверие не только к государству (как легитимному воплощению власти) и связанным с ним социальным институтам (в том числе – науке), но и доверие к другим социальным группам. Эта утрата доверия связана с тем, что если у нас нет и не может быть с представителями других социальных групп общих знаний, то у нас нет общих оснований для взаимодействия. Как нам договариваться, как нам искать точки соприкосновения, если мы не признаем, что общее знание вообще возможно? А возможным оно становится только если мы признаем внеположную нашим социальным конструкциям реальность.

Однако чем более важными нам кажутся именно социальные конструкции в ущерб постоянно «ускользающей» от нас реальности, тем чаще понятие истины начинает казаться неуместным и вытесняется понятием «постправды» (или «постистины»). Когда я впервые обратилась к этому термину в 2018 году [12], он только начинал звучать понемногу в научной литературе, но спустя пару лет появился повсеместно. Его обычно связывают с политическими манипуляциями общественным сознанием, но на самом деле проблема намного шире. Этот публицистический термин хорошо описывает современную ситуацию, которая характеризуется радикальным разрывом между познающим субъектом и познаваемым им миром, где между субъектом и возможным знанием стоит столько преград, что конструирование удобных «постправд» оказывается более легким решением, чем попытка нащупать дорогу к знанию.

Эпистемология в цифровизирующемся мире

Необходимо пояснить, что я подразумеваю под радикальным разрывом между познающим субъектом и познаваемым им миром. Если когда-то конструктивизм имел дело с проблемой того, как наш разум конструирует знание об объектах реального мира, будучи неспособным постичь их такими, какие они есть сами по себе [3], то в опыте современного человека взаимодействие с миром происходит таким образом, что между познающим субъектом и познаваемым объектом зачастую стоит не одна, а несколько преград, подобно пелене иллюзий *майя* в индийской философии, скрывающих подлинный мир. Это во многом связано с все более возрастающей долей цифровых взаимодействий в жизни современного человека. Например, я смотрю на экран компьютера, на котором вижу выпуск новостей, в котором демонстрируются кадры с места событий. Между мной и событием стоит минимум три фильтра – мой компьютер (который может, например, исказить картинку или звук), специфический содержательный контекст, в котором новостной выпуск преподносит данное видео, и видеозапись, которая также подвержена искажениям, а возможно и манипуляциям, или попросту является хорошо сконструированным «фейком», который я не могу со всей уверенностью отличить от реальной, не подвергавшейся манипуляциям, записи. Подобное мое «знание» действительно трудно расценивать иначе, чем конструкцию, причем конструкцию, которая возникает независимо от меня, в которой мое личное искаженное восприятие играет уже не такую существенную роль. Когда мы сталкиваемся с иллюзиями восприятия, нам помогает их развеять непосредственный опыт: как пишет В. А. Лекторский, «в реальном опыте возникающие иллюзии быстро себя обнаруживают в качестве таковых и снимаются в ходе последующей деятельности перцептивного обследования» [6: 126]. Однако иллюзии, возникающие в описанной выше ситуации, развеять таким образом не удастся, поскольку в большинстве случаев непосредственный перцептивный опыт окажется невозможен, ведь нам демонстрируются события, происходящие, быть может, на другом конце земного шара, или не происходящие вовсе – но мы не можем этого знать наверняка. Как указывали отечественные философы еще на ранних этапах становления цифровой среды, в начале 2000-х годов, «новейшие информационные технологии, опосредуя отношения между получателем информации и ее источником, в огромной степени

увеличивают возможности для манипулятивного воздействия на сознание» [4: 87], поскольку мы лишены возможности перепроверки информации, выходящей за пределы нашего ближайшего окружения, а многие современные медийные средства с их мгновенным предъявлением информации (например, в аудиовизуальном виде) не дают субъекту возможности успеть рационально критически осмыслить полученное сообщение.

В ответ на эту ситуацию человек, как правило, вынужден выбирать одну из трех стратегий реагирования:

Первая стратегия – это наивная вера, что все, что показывают – правда. Эта стратегия наименее «энергозатратна» для человека, поскольку не требует включения критической рефлексии. Это своего рода расширенная разновидность «наивного реализма», который в данном случае включает веру не только в данные непосредственного опыта субъекта, но и того опыта, который он получает через средства массовой информации.

Вторая стратегия – полностью противоположная первой – агностицизм, который будет отрицать любую возможность проверки полученных таким образом данных, и, следовательно, возможность получения знания как таковую, по крайней мере за пределами непосредственного личного опыта. Данная стратегия столь же непродуктивна, как и первая – обе они препятствуют получению знания. В первом случае человек остается в плену иллюзий, навязанных ему извне, не пытаясь развеять их, во втором – оказывается в своего рода познавательном тупике, поскольку познание без доверия источникам информации невозможно.

Третья стратегия предполагает попытку получить знание путем выводов на основе сравнения данных из различных источников информации. Однако поскольку все или большинство из этих источников также опосредованы, мы испытываем сложности с оценкой степени достоверности каждого из них и в итоге невольно склоняемся к тому, что верим лишь тем источникам, которые импонируют нам больше, исходя из наших индивидуальных взглядов и предпочтений. Возможно, с этой же ситуацией связано распространение дениализма (от англ. denial – отрицание) – особого типа мировоззрения, придерживаясь которого, человек начинает отрицать все те представления о реальности, которые противоречат его личным убеждениям, включая доказанные научные факты. Все это сводится к вопросу доверия – одному из наиболее болезненных вопросов в обстоятельствах современной информационно перенасыщенной среды – кому из множества звучащих голосов я могу доверять? В конечном счете в современном мире, когда ни один человек не может держать в голове всех возможных знаний и должен опираться на внешние источники информации, именно выбор тех источников, которым можно доверять, становится важнейшей задачей.

Дополнительные трудности создает постоянное умножение информационных источников, увеличение числа цифровых взаимодействий, что препятствует возможности получения знания, поскольку нам не только становится все труднее понять, какие из этих источников заслуживают нашего доверия, но иногда и просто оценить, с кем мы имеем дело – с живым человеком или с цифровым ботом. Еще десять лет назад В. А. Лекторский в своей статье в книге «Эпистемология: перспективы развития» написал, что «...философские дискуссии о знании... сегодня относятся к поискам надежных способов ориентации человека в окружающем его мире псевдо-реальностей и потоков дезинформации (традиционный жизненный мир взламывается современными технологиями), с оценкой имеющихся форм и способов познавательной деятельности и их возможным пересмотром – сегодня этот пересмотр гораздо радикальнее, чем в прошлом» [8: 24].

Можно только констатировать, что за прошедшие десять лет внедрение цифровых технологий в нашу жизнь достигло еще больших масштабов, так что ситуация стало еще более сложной: нам действительно необходимо перестраивать свое отношение к миру в стиле картезианского сомнения по отношению ко всем источникам информации, только в отличие от Декарта нам трудно выявить то, в чем невозможно сомневаться.

Еще одной проблемой является то, что организация современного цифрового пространства такова, что она замыкает нас в привычном для нас видении мира, отсекая альтернативные взгляды и информацию о тех жизненных сферах, которые находятся за пределами нашего фокуса внимания. Отечественный культуролог А. А. Лисенкова в своих исследованиях трансформаций культурной идентичности под влиянием цифровизации, как мне кажется, очень точно назвала это «цифровым коконом», в который помещен каждый пользователь Сети [9]: в новостных лентах нам представляется информация только о тех событиях, которыми мы интересовались ранее, рекламные баннеры рекламируют те типы товаров, которые мы уже искали в Сети, а в ленты рекомендованных постов в соцсетях нам рекомендуют сообщения людей, разделяющих наши политические взгляды и

повседневные интересы. Как отмечает В. А. Бажанов, «Современные социальные сети («Фейсбук», «Твиттер» и т.п.) существенно интенсифицируют процессы образования квазизамкнутых по своей природе социальных сообществ... поскольку в социальные сети встроены эффективные механизмы поиска и кооптации близких по тем или иным параметрам (симпатиям, антипатиям, вкусовым предпочтениям и т. д.) членов» [2: 124–125].

Казалось бы – это способ облегчить нам ориентацию в бесконечном море информации, но реально это лишь еще больше замыкает нас в локальных социальных группах, еще сильнее усугубляя недоверие ко всем, кто к ним не принадлежит.

Американский социальный эпистемолог С. Ти Нгуен рассматривает понятия, сходные с упомянутым выше «цифровым коконом», относящиеся не только к цифровой среде, но и к социальному окружению познающего субъекта в целом – это понятия «эпистемического пузыря» (epistemic bubble) и «эхо-камеры» (echo chamber). «Эпистемическим пузырем» Нгуен называет такую ситуацию, в которой мы ненамеренно оказываемся изолированы от какой-то информации, например, когда какие-то события не попадают в фокус нашего внимания, или социальная сеть подбирает нам новостную ленту в соответствии с нашими интересами, опуская информацию, которая нас не интересует (но которая может быть важной, может поменять наш взгляд на ситуацию или на мир в целом и т. д.). Эпистемический пузырь легко «лопается», стоит нам только проявить желание и самим выглянуть за его пределы в поисках нового знания. Такого рода «пузыри», настаивает Нгуен, нельзя путать с «эхо-камерами», что, по его словам, делают многие авторы. «Эхо-камеры» – это такие «эпистемические сообщества», в которых специально поддерживается ситуация недоверия членов этого сообщества к чужакам. При этом «свои» должны изначально принять определенный набор взглядов, а «чужие» взгляды не просто не замечаются, но активно критикуются и подвергаются дискредитации [19]. Члены сообществ в «эхо-камерах» испытывают высокую степень доверия к другим членам их сообщества (на основании того, что их мнения практически полностью совпадают) и крайне низкую степень доверия ко всем, кто находится за пределами сообществ, поскольку там наблюдаются противоречия с принятой внутри «эхо-камеры» картиной мира. Нгуен показывает, как в «эхо-камерах» порой работают почти сектантские методы поддержания абсолютного доверия к лидеру и полного непринятия внешних точек зрения, противоречащих принятым в «эхо-камере». Тем не менее, он подчеркивает, что «эхо-камеры» встречаются вовсе не только в сектантских сообществах или в тоталитарных политических режимах, но что ряд сообществ, сплоченных вокруг одной темы (например, т. н. «антиваксеры», т. е. противники вакцинации, объединены одним лишь взглядом – недоверием к процедуре вакцинации, ее пользе и безопасности) тоже часто начинают функционировать как «эхо-камеры». Если человек с легкостью может выйти за пределы «эпистемического пузыря» при наличии на то желания или же просто случайно наткнувшись на новую информацию, то выходя за пределы «эхо-камеры» человек активно сопротивляется, не желая принимать альтернативных точек зрения.

Проблема в том, что существование внутри «эпистемического пузыря», «цифрового кокона» или «эхо-камеры» психологически комфортнее и уютнее, нежели выход за его пределы. Нежелание выходить за эти пределы можно рассматривать как негативную версию эскапизма, в которой мы ограждаем себя от нежелательной или некомфортной нам информации, словно по заветам знаменитых строчек Иосифа Бродского «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку». Так «эпистемический пузырь» может с легкостью превратиться в «эхо-камеру», а мы перестанем испытывать доверие не только к другим людям, но и доверие к миру в целом – нам начнет казаться, что он нас постоянно обманывает, поскольку когда мы выбираемся за пределы нашего «цифрового кокона», оказывается, что мир устроен совсем иначе и что в мире есть люди, которые мыслят иначе чем мы, и что наши представления о мире могут быть неверными. Проблема в том, что мы оказываемся не готовы это принять, не готовы критически отнестись к своим взглядам, поскольку переубедить нас могли бы только истинные факты, объективная реальность, но мы в них больше не верим. А если их нет – то почему я должен верить, что чей-то нарратив о мире может быть более правильным, нежели мой? Почему я должен вдруг отказываться от своих взглядов и убеждений, если нет никаких весомых аргументов в пользу альтернативных мнений?

Так, парадоксальным образом, борясь с эпистемологическим «тоталитаризмом» и закрытостью европейской рациональности, которая, пользуясь своим «властным» положением диктовала, что именно мы должны считать знанием, маргинализируя альтернативные точки зрения, сторонники социально-конструкционистских взглядов приходят к такой позиции, в которой открытая рациональность с ее критичностью и рефлексивностью [16] оказывается невозможной. Убеждения, ценности, верования, субъективные картины мира, в том числе облеченные в цифровую форму и

зафиксированные в ней, вытесняют реальность на второй план. Как общее место начинает звучать тезис о том, что знание конструируется, что каждой культуре характерны свои системы знаний, несопоставимые друг с другом, что мы живем в мире социальных конструкций, что реальность для каждого своя. А раз ни одна из этих конструкций не является привилегированной (ведь ни одна из них ничего не говорит о реальности), то почему я в принципе должен интересоваться чьим-то мнением, когда у меня есть свое? Критика в таком случае может быть направлена только против тех, кто со мной не согласен, но никак не на себя. В рамках такого подхода невозможны ни продуктивная дискуссия, ни диалог.

Распространение цифровых форм взаимодействия между людьми и институтами, замена целого ряда физических объектов цифровыми, подкрепляет убеждение в сконструированности наших знаний о мире и непостоянстве этих конструкций. Ошибочное представление о том, что «сконструированное» можно приравнять к «нереальному», «ненастоящему», «виртуальному» приводит к ложной убежденности, что мир может легко изменяться по желанию субъекта. Получившая в последнее время широкое применение т. н. «культура отмены» (cancel culture) опирается именно на эту презумпцию – поскольку мы имеем дело не с реальностью, а с социально-сконструированным миром, то если мы на словах перестанем упоминать нечто, оно исчезнет из социальной реальности и как бы перестанет для нас существовать. Проблема заключается в том, что реальность, находящаяся за якобы «отмененными» социальными конструкциями, никуда не исчезает, и возникает конфликт между локальной сконструированной картиной мира, сознательно игнорирующей существование А и реальным миром, в котором А продолжает существовать и различными способами действовать и проявлять себя. Возникшая в цифровой среде привычка, что можно одним щелчком по клавишам убрать из своего поля зрения навсегда неудобного тебе собеседника или закрыть окно с неприятной информацией, перетекает в реальную жизнь, где, однако, она уже не работает. Так, хотя сейчас часто идет речь о существовании человека в «гибридной» среде (т. е. среде, сочетающей элементы цифрового мира и мира-офлайн) [14], необходимо, чтобы субъект хорошо понимал границы, возможности и риски как цифровых, так и нецифровых взаимодействий и адекватно подбирал стратегию деятельности (в том числе и познавательной) в зависимости от того, о каком типе взаимодействий идет речь. Главной же проблемой эпистемологии в эпоху цифровизации представляется углубление кризиса эпистемологических ценностей истины и объективности, начавшегося еще с «социального поворота» в эпистемологии.

Разумеется, цифровизация и информационная перенасыщенность современной среды человеческой деятельности – не единственные причины сложившейся ситуации, тем не менее, тот факт, что в человеческом опыте возрастает количество взаимодействий с цифровыми и медийно-опосредованными объектами, играет весьма существенную роль. Зная, насколько обманчивыми могут быть медиа и цифровые коммуникации, мы распространяем эту настороженность и недоверие на любые источники информации, что в конечном счете превращается в недоверие к любому человеку, который с нами не согласен.

Реализм как выход из кризиса доверия и основа для диалога

Выше я уже неоднократно утверждала, что современная ситуация провоцирует рост недоверия на разных уровнях: субъект не доверяет различным источникам информации, представители одних социальных групп не доверяют другим, общество не доверяет ученым и государству и т. д. Этот кризис доверия вызван тем, что мы не имеем возможности проверить связь между получаемой нами из разных источников информацией и реальностью, т. е. не можем превратить информацию в знание, и нам навязывается представление, что эту связь не стоит и искать, что реальность для нас непостижима, и что те, кто претендуют на знание о реальности, не более чем манипуляторы, которые хотят сделать выгодные для них и сконструированные ими образы реальности доминирующими. Неудивительно, что люди оказываются в плену своих «цифровых коконов», «эпистемических пузырей» и даже «эхо-камер» – это способ оставаться в рамках понятной, объяснимой и комфортной для субъекта картины мира, не подвергая себя стрессу встречи с неизвестным и чуждым. Никакие знания не выглядят больше общезначимыми – есть «их» знания и «наши» знания, а это обесценивает понятие знания в принципе и любые разногласия между разными социальными группами оказываются неразрешимыми.

Рассуждая о критике классической рациональности и культуры, основанной на ней, В. А. Лекторский, И. Т. Касавин и В. С. Швырев отмечают, что сейчас «производство, развитие и распространение научного знания невозможно без отношений доверия между членами познавательного коллектива и без существования научных авторитетов... Большая часть знания, которым пользуется

современный человек... не производится им лично, а принимается от других» [4: 86].

Если идеал классической рациональности предполагал, что знанием является то, что субъект может проверить на собственном опыте или путем собственных рассуждений, то сейчас это просто невозможно: «Каждый участник производства знания может индивидуально рационально обосновать лишь незначительную часть коллективно принимаемого знания» [4: 87]. Но на чем может быть основано такое доверие? Как представляется, оно возможно только если мы, во-первых, признаем существование общей для всех реальности и происходящих в ней событий, и во-вторых, как и указывают авторы выше, признаем существование авторитетов, чьи высказывания мы полагаем заслуживающими доверия. В науке эта авторитетность строится не просто на некоей известности или высоких наукометрических показателях ученого, но и на том, что ученый предоставляет достаточно данных о своем исследовании, которые потенциально могут быть воспроизведены другими учеными, он открыт для критики. Но для такой проверки опять же необходима договоренность, консенсус относительно признаваемых всеми участниками взаимодействия методов исследования, которые мы все полагаем адекватными для описания того или иного фрагмента реальности. Это требует признания не только авторитета отдельных ученых, но и науки в целом, а авторитет этот, как мы уже рассмотрели выше, понес серьезный урон.

Это падение авторитета науки является достаточно критичным фактором, поскольку наука могла бы играть роль того арбитра, который необходим при решении межкультурных разногласий. Как справедливо отметил итальянский философ науки Э. Агацци, наука уже «показала себя самым мощным межкультурным дискурсом, который может быть понят и проверен людьми, принадлежащими к культурам и обществам, максимально удаленным друг от друга. Это возможно потому, что фундаментальной характеристикой науки является интерсубъективность, существующая не только между отдельными учеными, но и между сверхиндивидуальными сущими, какими являются общества и культуры» [1: 597].

Но чтобы этот инструмент работал, мы должны опираться на реалистский подход, в котором общая реальность является гарантом доверия между людьми.

В уже цитированной ранее работе В. А. Лекторский справедливо пишет: «Живет человек не в созданном им самим мире мифов и иллюзий, а в мире реальном, в котором ему приходится взаимодействовать с другими. И вот тут выясняется, что решения стоящих перед ним реальных проблем предполагает их знание. „Нарративные“ сказки, оказывается, в некоторых случаях могут загнать в тупик» [7: 24].

Это было написано им десять лет назад, но не только не утратило актуальности, а лишь приобрело новые подтверждения. Знание невозможно без отсылки к реальности, а в ситуации, когда каждый живет в соответствии со своей «нарративной сказкой», мы перестаем не только доверять друг другу, но и просто друг друга слышать.

Диалог с Другим всегда был одной из сложнейших задач в человеческом сосуществовании, и в то же время только наличие такого диалога позволяет выживать человеческим сообществам. Диалог этот возможен только на основе общности человеческого опыта и признании реальными событий и фактов мира, которые остаются инвариантными, вне зависимости от тех «оптик», через которые мы их рассматриваем. Реализм, таким образом, является не просто методологической позицией, но стратегией выживания человечества.

Список литературы

1. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.
2. Бажанов В.А. Политические идеологии в свете современной нейронауки // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 1. С. 117–135. DOI: 10.5840/eps202259110
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
4. Касавин И.Т., Лекторский В.А., Швырев В.С. Старый и новый рационализм // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. М.: Наука, 2005. С.68–122.
5. Кошовец О.Б. Экономическое знание и власть: от научной объективности к технологиям имперсональности и социальному конструированию // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 1. С. 171–189. DOI: 10.5840/eps202259113
6. Лекторский В.А. Восприятие // Эпистемология классическая и неклассическая. М.: URSS, 2001. С.

121-127.

7. Лекторский В.А. Нуждается ли эпистемология в исследовании эмпирических фактов? // *Философия науки и техники*. 2021. Т.26. № 2. С.22-28. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-2-22-28

8. Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // *Эпистемология: перспективы развития*. М., 2012. С.5-49.

9. Лекторский В.А. Философия перед лицом когнитивных исследований // *Вопросы философии*. 2021. № 10. С.5-17. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-5-17

10. Лисенкова А.А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве. Пермь: ПГИК, 2021. 286 с.

11. Смирнова Н.М. Феноменология в парадигме натуралистического поворота // *Вопросы философии*. 2021. № 12. С. 56-66. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-56-66>

12. Труфанова Е.О. Истина, знание и реальность в эпоху «постправды» // *Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее. Материалы по итогам VII Иоанновских научных чтений: сборник статей*. М., 2018. С. 17-25.

13. Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+, 2018. 318 с.

14. Фролов А.В. Экзистенция и мир в цифровую эпоху // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2018. № 3. С. 18-30.

15. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М.: ВШЭ, 2018. 368 с.

16. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.

17. Gergen K.J. *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism*. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 368 p.

18. Gergen K.J. *Social Construction in Context*. London: SAGE, 2001. 240 p.

19. Nguyen C.T. Echo Chambers and Epistemic Bubbles // *Episteme*. 2020. Vol. 17. No. 2. P. 141-161.

REFERENCES

Agazzi E. *Scientific objectivity and its contexts*. Moscow: Progress-Tradition, 2017. 688 p. (in Russ.)

Bazhanov V.A. Political Ideologies through the Lens of Modern Neuroscience // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2022. Vol. 29. No. 1. P. 117-135. DOI: 10.5840/eps202259110 (in Russ.)

Frolov A.V. Human existence and his world in digital epoch // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 2018. No. 3. P. 18-30. (in Russ.)

Fuller S. *Post-Truth: Knowledge as a Power Game*. Moscow: HSE, 2018. 368 pp. (in Russ.)

Gergen K.J. *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism*. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 368 p.

Gergen K.J. *Social Construction in Context*. London: SAGE, 2001. 240 p.

Kant I. *Critique of Pure Reason*. Moscow: Mysl', 1994. 491 pp. (in Russ.)

Kasavin I.T., Lektorsky V.A., Shvyrev V.S. Old and new rationalism // *Dialogue of cultures in the globalized world: worldview aspects*. Moscow: Nauka, 2005. P.68-122. (in Russ.)

Koshovets O.B. Economic knowledge and power: from scientific objectivity to technologies of impersonality and social design // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2022. Vol. 59. No. 1. P. 171-189. DOI: 10.5840/eps202259113 (in Russ.)

Lektorsky V.A. Does epistemology need to investigate empirical facts? // *Philosophy of Science and Technology*. 2021. Vol.26. No. 2. P.22-28. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-2-22-28 (in Russ.)

Lektorsky V.A. Epistemology transformations: new life of the old problems // *Epistemology: prospects of development*. Moscow, 2012. P.5-49. (in Russ.)

Lektorsky V.A. Philosophy facing cognitive studies // *Questions of Philosophy*. 2021. No. 10. P.5-17. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-5-17 (in Russ.)

Lektorsky V.A. *Perception // Classical and non-classical epistemology*. Moscow: URSS, 2001. P.121-127. (in Russ.)

Lisenkova A.A. *Transformations of socio-cultural identity in the digital space: a monograph*. Perm: PGIK Publ., 2021. 286 pp. (in Russ.)

Nguyen C.T. Echo Chambers and Epistemic Bubbles // *Episteme*. 2020. Vol. 17. No. 2. P. 141-161.

Smirnova N.M. Phenomenology within the Framework of Naturalistic Turn's Paradigm // *Voprosy filosofii*.

2021. No. 12. P.56–66. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-56-66

Trufanova E.O. Truth, knowledge and reality in the age of “post-truth” // Search for truth as an axiological paradigm of humanities: the past, present and the future. Materials of the 7th John’s scientific readings: a collection of papers. Moscow, 2018. P.17–25. (in Russ.)

Trufanova E.O. The subject and cognition in the world of social constructions. Moscow: Kanon+, 2018. 318 pp. (in Russ.)

Shvyrev V.S. Rationality as a culture value. Tradition and present time. Moscow: Progress-Tradition, 2003. 176 pp. (in Russ.)

Dedicated to Vladislav A. Lektorsky's 90th anniversary EPISTEMOLOGICAL REALISM AS A NECESSARY FOUNDATION

**TRUFANOVA
ELENA**

*DSc in Philosophy,
Main Research Fellow of the Department of the Theory of
Knowledge,
Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, iph@etrufanova.ru*

Keywords:

realism
knowledge
social constructionism
digitalization
reality
post-truth
distrust
trust

Summary:

Modern epistemology is undergoing some changes related to the transformations of human environment, primarily caused by digitalization. Epistemology is now dominated by two opposing trends — “naturalization” and “socialization”. It can be assumed that the strengthening of the “naturalization” trend in epistemology is a reaction to the previously dominant socio-constructionist trend, characterized by the rejection of epistemological realism and subjecting the concepts of truth, reality, objectivity, and knowledge to a critical revision. This approach is characterized by the idea of the dependence of knowledge on social factors, where knowledge is a tool in the hands of “power”, i.e. those social groups that have the power to compel others to their understanding of reality. Such ideas lead to the devaluation of the authority of science and knowledge in general, and are dangerous because they cause the disintegration of society, since the ability to talk about a common reality is denied and each social group has its own “knowledge” about the world. A radical gap is forming between the subject of cognition and reality, since human is dealing now with a large number of information flows, as well as digital objects and interactions, so that the knowledge obtained through direct experience is replaced by information obtained indirectly from various sources that present information in a distorted way. The modern digital environment is also problematic, because it is designed in such a way that it encloses a person within their own familiar pictures of the world, not allowing him to look beyond them and see alternative points of view. The key problem is the loss of trust — a modern subject has no criteria for selecting reliable and trustworthy sources of information, and as a result he or she does not trust anyone, which becomes a significant obstacle for obtaining knowledge. It can be concluded that the appeal to realism is important not only for solving the above mentioned epistemological problems, but also for conducting a dialogue between various social groups, which is necessary for the survival of mankind.

УДК 140.8; 141

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

**ПИРОЖКОВА
СОФЬЯ
ВЛАДИСЛАВОВНА**

*кандидат философских наук,
старший научный сотрудник сектора теории
познания Института философии РАН,
Институт философии РАН,
Москва, Российская Федерация,
pirozhkovasv@gmail.ru*

Ключевые слова:

гуманизм
экзистенциализм
мировоззрение
человеческая природа
свобода
трансгуманизм

Аннотация:

В статье обсуждается проблема трансформации гуманистического мировоззрения как одного из ключевых факторов, определяющих характер стратегических решений, принимаемых в различных областях практики. Автор отталкивается от двойственного понимания гуманизма – с одной стороны, как особого мировоззрения, возникшего в эпоху Возрождения, с другой – как зонтичного термина, объединяющего различные системы взглядов, в рамках которых человеку по тем или иным причинам приписывается особая – центральная – роль и ценность. Второе понимание позволяет в диахронической оптике рассматривать гуманизм как мировоззрение, эволюционирующее от одной формы к другой, но в синхронической оптике открывает картину находящегося в оппозиции друг к другу систем взглядов и концепций. Этот тезис раскрывается на примере анализа двух дискуссий о гуманизме, одна из которых разворачивалась в рамках философии существования, а вторая еще продолжается вокруг проекта улучшения человека. Показывается, что в обоих случаях основной конфликт состоит в оппозиции предзаданной сущности/природы человека и его свободы. Обосновывается, что, несмотря на оправданность критики концепций закрытого гуманизма, т. е. таких, которые постулируют наличие особой природы, особых качеств и, как следствие, особой миссии человека, даже постулирование исходным пунктом факта абсолютной свободы не спасают те или иные философские интерпретации гуманизма от перспективы превращения в тоталитарный антропологический проект. Также обосновывается, что в контексте развития биотехнологии и технологий искусственного интеллекта как отказ от попытки зафиксировать сущность человека, так и признание за ним возможности быть кем угодно, грозит потерей идентичности и отдельным людям, и социокультурным общностям. Делается вывод о необходимости поиска иной стратегии гуманистического дискурса (спора разных гуманистических концепций), предотвращающей превращение его в борьбу разных волей к власти, что особенно ярко наблюдается в случае дискуссий трансгуманистов и их оппонентов.

Получена: 24 декабря 2022 года

Опубликована: 24 декабря 2022 года

Введение: постановка проблемы

Первые десятилетия XXI века показали, что человечество переживает самый ответственный и опасный период в своей истории – период неопределенности и непредсказанности, когда от индивидуальных и коллективных решений зависит будущее не только цивилизации, но и всей планеты. Отсюда такое внимание к прогнозированию и проектированию будущего, к управленческим умениям, теории принятия решений и навыкам стратегического видения. Однако знаний и проективных техник недостаточно, чтобы отвечать на вопросы о желательных направлениях технологического прогресса или оптимальных путях противодействия экологическому кризису. Требуется решение ценностных, мировоззренческих вопросов, прежде всего тех, что определяют отношение человека к самому себе и другим людям, его понимание счастья и смысла жизни, целей социального процесса, наконец, своей роли в историческом и мировом процессах. Став предметом различных наук – от гуманитарных до естественных – человек превратился для себя в большую загадку, чем когда-либо: неясно, как возникло человеческое сознание и как оно связано со своим физическим носителем, непонятно, как формируются представления о должном и недолжном и что обеспечивает нравственность, необъяснимыми остаются многие процессы в человеческом организме, нет однозначно эффективной стратегии сосуществования разных культурных, религиозных и политических традиций.

Согласно консенсусу в области гуманитарного знания большая часть вызовов современного этапа истории человечества обязана своим возникновением формированию особого типа мировоззрения. Оно отличается позиционированием человека как основного актора, по причине своей разумности противостоящего неразумному миру и обязанного в силу самой этой диспозиции управлять им, преобразовывая в соответствии с рациональными целями. Это мировоззрение иногда определяют как рационалистическое, иногда как гуманистическое, делая акцент соответственно либо на идеи верховенства разума, либо на том факте, что единственным известным носителем разума является человек. В свете обозначенной выше проблематики интерес вызывает именно гуманизм. Судьбу человеческой цивилизации можно поставить в зависимость от трансформаций гуманистического мировоззрения и на основании этого конструировать возможные сценарии развития, анализировать их и, определяя желаемые и нежелательные пути развития, формировать фундамент для принятия разнообразных решений. Цель статьи в контексте этой глобальной задачи – показать наиболее значимые альтернативы в понимании гуманизма и указать истоки этой многовариантности.

Теоретико-методологическая база исследования

В настоящей статье гуманизм рассматривается с точки зрения его идейно-философского ядра и философского обоснования. При этом гуманизм невозможно свести к какой-либо философской концепции, хотя философы предлагали и предлагают разные трактовки гуманизма и соответствующие этим трактовкам исторические реконструкции его генезиса. Говорить о какой-либо устоявшейся концепции можно лишь обобщенно и применительно к определенному историко-культурному периоду, выделяемому в рамках конкретной исторической реконструкции. Одновременно можно рассматривать гуманизм как последовательность таких сменяющих друг друга концепций.

Я, с одной стороны, опираюсь на понимание гуманизма как ренессансного феномена – мировоззрения, сложившегося в эпоху Возрождения, и в этом смысле выше говорится о гуманизме как мировоззрении, ответственном за современность с ее проблемами и достижениями. С другой стороны, анализ предпосылок возникновения ренессансного гуманизма показывает, что понимание человека и его места в мироустройстве, характерное для эпохи Возрождения, обязано своим возникновением догматам о сотворении мира и человека и боговоплощении, а также широкому кругу идейно-мировоззренческих поисков – в неоплатонизме, герметизме, гностицизме [5]. Так обнаруживается, что гуманистический характер имеют и иные культурно-исторические типы мировоззрения: христианское мировоззрение отводит человеку выделенное место как образу и подобию бога, в текстах высокого герметизма человек предстает третьим богом – помимо создателя и космоса, и наделен уникальным качеством – мышлением, сближающим его с первым богом и позволяющим быть строителем природного мира и даже творцом земных богов (в буквальном смысле [1: 257]).

Если важнейшая черта гуманистического мировоззрения – помещение человека в центр мира, пусть даже только подлунного, то гуманизм предстает уже доминирующим типом мировоззрения, хотя и проходящим путь эволюционного развития. Именно такой позиции придерживается лингвист и

востоковед Н. И. Конрад. Сопоставляя европейскую и восточную традиции, он приходит к выводу, что «выдвижение на первый план человеческой личности» произошло не только в Европе XIV–XV веков, но и, например, в «сознании китайского общества VIII–XV вв.» [3: 255], что позволяет говорить о феномене китайского Возрождения. Рассуждая далее, Конрад показывает, что «концепция гуманизма, сложившаяся в эпоху Возрождения, исторически была уже по меньшей мере третьей» [3: 268]. Исторически первый гуманизм выстраивался вокруг образа человека-«обладателя огня, вырванного из рук божества», т. е. обладающего «теми же силами, какие приписывались божеству» [3: 268], следующий – вокруг возникшей идеи человечности как гуманного отношения к другим (сострадания, любви к ближнему, милосердия), которая в свою очередь предполагала признания равенства людей, их братства и моральной общности. Третий, «ренессансный гуманизм состоял в уверенности человека в ценности своей личности – во всех аспектах последней – общебытийном и конкретно-жизненном, в ее разуме, в ее чувственной природе, в ее волевых импульсах» и «сознание такой ценности было сопряжено с представлением автономности человеческой личности – ее свободы и самостоятельности» [3: 268]. На смену возрожденческому, отмечает Конрад, тоже приходит новый гуманизм – гуманизм эпохи Просвещения.

Каждой форме гуманизма Конрад ставит в соответствие доминирующую форму общественного сознания – миф, религию и философию. Существует соблазн в духе О. Конта продолжить эту эволюционную линию и предположить, что интеллектуальным ресурсом для формирования гуманистического идеала в новейшее время должна быть наука. Подобный шаг сделал в середине прошлого столетия первый генеральный директор ЮНЕСКО биолог Дж. Хаксли. В своей работе «Эволюционный гуманизм» он пишет, что интерес к собственной судьбе – «своим месту и роли в мире» [16: 280] – то, что всегда присутствовало в истории человека, но до XX века этот интерес удовлетворялся силами религии. Хаксли утверждает: «Человек XX столетия нуждается в новом социальном институте, берущем на себя вопросы человеческой судьбы, в новой системе... установок, адаптированных к новой ситуации, в которой человеческие общества вынуждены теперь существовать... Радикально новое качество нынешней ситуации может быть сформулировано следующим образом: ранние религии и системы убеждений были в большей степени способом примирить человека с его невежеством и страхами, в результате чего их интересовала в первую очередь стабильность установок. Но сегодня существует потребность в системе убеждений, которые позволят человеку совладать с приобретенными им знаниями и имеющимися у него творческими возможностями, что подразумевает способность встречать перемены и вдохновлять их» [16: 287].

Эволюционный гуманизм и является подобной системой взглядов. Он опирается на видение человеческой судьбы, предлагаемое эволюционной биологией, которая, по словам Хаксли, «делает очевидным, что развивающейся человеческий индивидуум есть в строго научном смысле слова совершеннейший продукт космического процесса», а «конечная цель человека как биологического вида состоит в реализации все большего количества возможностей, воплощающихся во все большем числе все более развитых человеческих индивидуальностей» [16: 293–294].

Позднее Хаксли приходит к выводу, что эволюционный гуманизм является не просто развитием традиционного гуманизма, но его принципиально новой формой. Его суть заключается в убеждении, что «человек как биологический вид способен, если на то будет желание, превосходить самого себя» [17: 17], поэтому Хаксли предлагает отдельный термин для этого нового убеждения и выстраивающейся на его основании системы взглядов – трансгуманизм.

Прогрессистский подход Конрада, ведущий нас от покорителя огня к трансчеловеку, не работает, когда мы меняем диахроническую оптику на синхроническую. В отношении не исторического, а актуального анализа гуманизм предстает скорее как дискурсивное поле множества концепций, оспаривающих право на универсальность предлагаемого понимания. Британский лингвист Т. Дэвис абсолютизирует ситуацию полифонии подходов, заключая, что существует множество гуманизмов и все они не могут быть сведены не то что к какой-то одной гуманистической концепции, но и к какой-то одной линии аргументации или мыслительной схеме [14: 130–131]. Поэтому Дэвис предлагает не концепцию преемственных форм гуманизма, не даже классификацию, а простое перечисление: «гражданский гуманизм ранневозрожденческих итальянских городов-государств, протестантский североевропейский гуманизм XVI в., рационалистический гуманизм, обнаруживающий себя в революциях эпохи Просвещения, романтический и позитивистский гуманизмы, посредством которых европейская буржуазия устанавливала свою гегемонию, потрясший мир революционный гуманизм и ищущий возможность его обуздать либеральный гуманизм» [14: 130–131].

Приведенный перечень не исчерпывает всех разновидностей и продолжается более спорными и

даже вопиюще скандальными вариантами, в числе которых «гуманизм нацистов и гуманизм их жертв, антигуманистический гуманизм Хайдеггера и гуманистический антигуманизм Фуко и Альтюссера» [14: 131]. Это хаос гуманизмов объясняется тем, что именем человека и во имя человека рассуждали и совершали свои деяния очень многие, и в силу, так сказать, статистической неизбежности, Дэвис оказывается прав, замечая, что «уже невозможно помыслить преступления, которое не было бы совершено во имя гуманности» [14: 131].

С учетом сказанного любой исследователь, берущийся за круг вопросов, связанных с гуманизмом, оказывается между двумя крайними полюсами – с одной стороны, определением гуманизма как ренессансной традиции, с другой – зонтичным термином, допускающим такие семантические расширения, в процессе которых он теряет всяческие строгие очертания и может бесконечно превращаться из одной противоположности в другую. Далее это будет продемонстрировано на двух примерах.

Метаморфозы гуманизма в концепциях философов-экзистенциалистов

Современная наука и техногенная цивилизация [8], ставящая во главу ценностной иерархии науку и получение новых знаний, а также переустройство материального мира и общества в соответствии с принципами научной картины мира, опирались в конечном счете на гуманистическое мировоззрение (тот самый ренессансный феномен). Однако по мере их становления и развития гуманистические идеалы теснились идеалами технократического общества. Вместо любви к ближнему, сострадания, милосердия, реализуемого в реальных деяниях уважения к отдельным людям и их судьбам, важным оказывались открытия, изобретения и рационализация социальных и культурных практик как таковые. Поскольку исследовательские, инженерные и основанные на них хозяйственные успехи считались необходимым условием достижения общественного блага, а значит, счастья большинства людей, то фокус внимания неизбежно смещался. Как и в других аналогичных случаях, когда что-то объявлялось условием будущего благополучия человечества, текущее неблагополучие исключалось из поля зрения – как неизбежные издержки или следствие того, что желаемая цель еще не достигнута.

Можно интерпретировать описанную метаморфозу и так: проникнутый интересом к конкретному человеку гуманизм исследователей античной словесности во взаимодействии с христианскими представлениями и идеями ряда эзотерических учений лишь создал почву для нового культурного проекта, каковым и стала эпоха модерна. В рамках этого масштабного проекта человеку отведена определенная роль, пусть главная, но не предполагающая импровизации. Будучи построенным на фундаменте представлений об огромных возможностях человеческого разума и, что немаловажно, воли (вспомним, к слову, что Р. Декарт считал человека уступающим богу в мышлении – конечный разум против бесконечного, но равным ему по воле [2: 47–48]), социокультурный проект модерна подчинял абстрактной человеческой воле конкретную волю отдельно взятого индивидуума.

Различные интерпретации внутреннего конфликта культуры модерна предлагали и философы XIX и XX веков, объясняя его гипертрофированием человеческого разума или рационального начала вообще, забвением сложности человеческой природы или забвением бога и истинной реальности, лежащей за пределами материального мира. Так формировались философский романтизм, философия жизни и так называемая философия существования – экзистенциализм. В экзистенциализме проблема гуманизма активно дебатировалась и в этих дебатах обнаруживается вся неоднозначность и противоречивость этого понятия и соответствующего мировоззренческого ядра.

М. Хайдеггер в центр своих размышлений помещает человеческое бытие в противовес безличному бытию мира, однако рассмотрение человеческого бытия – *Dasein* («присутствие» в переводе В. В. Библина, на который далее идут ссылки) – имеет смысл лишь в контексте исследования бытия вообще, и именно этот момент определяет специфику хайдеггеровского понимания гуманизма. В ранних работах эта зависимость *Dasein* от бытия ощущается в меньшей степени, основное внимание уделяется именно анализу особенностей человеческого существования, его исключительности на фоне всего остального сущего, которая определяется через особое отношение к бытию. Оно заключается в том, что только человек способен поставить вопрос о бытии и быть открытым к непотаенности бытия, поэтому «аналитика присутствия должна... оставаться первой задачей в вопросе о бытии» [11: 16]. Такой подход можно трактовать как гуманистический, подкрепляя подобную интерпретацию ссылкой на хайдеггеровское понимание человека как временного и проектного существа. Любой проект имеет начало в свободном акте, поэтому постулирование проективности человека есть постулирование его как свободного существа.

Однако в творчестве позднего Хайдеггера акценты все более смещаются с философско-антропологического к метафизическому, онтологическому пониманию *Dasein* и других

категорий. На этом этапе смысл фразы «„сущность“ присутствия лежит в его экзистенции» [11: 42] раскрывается более однозначно. Опираясь на критику метафизики и ее понятийного аппарата, в том числе понятий сущности как возможности (*essentia*) и существования как действительности (*existential*), Хайдеггер не подразумевает здесь, подобно, например, Ж.-П. Сартру, о котором речь пойдет ниже, что человеческая сущность формируется или актуализируется в процессе своего существования. Здесь говорится о том, что человек эк-статичен – обладает способностью «экстатического выступления в истину бытия» [12: 199]. В свете этого проясняется проективность как основная характеристика человека. В «Письме о гуманизме» Хайдеггер пишет: «Когда люди понимают упомянутый в „Бытии и времени“ „проект“, „набросок“ в смысле представляющего полагания, то они принимают его за акт субъективности и мыслят его не так, как только и можно было бы мыслить „бытийное понимание“ в области „экзистенциальной аналитики“ „бытия-в-мире“, а именно как экстатическое отношение к просвету Бытия» [12: 200].

При подобном подходе теряется ценность человека самого по себе, без отсылок к каким-либо иным инстанциям.

Уточнив таким образом свою позицию, Хайдеггер не отказывается от рассмотрения проблем человеческого бытия, просто теперь они предстают в ином виде. И проблема современного развития техники, и кризис западноевропейской цивилизации трактуются им как следствия «забвения истины бытия», что одновременно является и забвением человеком своей сущности. Европейский человек бездомен, он не знает своих корней, своей «родины», отсюда и феномен отчуждения, и превращение в придаток им же созданной технической среды. И все это произрастает на почве классического гуманизма, определяющего человеческую субъективность в качестве центра, вокруг которого сосредоточен весь мир, инстанции, перед которой все сущее пред-стоит, и которой должно быть подчинено. Только кажется, что человек обретает свободу и независимость, тогда как в действительности он постепенно сводится к своей функции представления. Новоевропейское определение человека как разумного, познающего существа, активного субъекта в отношении к пассивному объекту, возводит функцию в ранг сущности.

Основная линия «Письма о гуманизме» – это линия размежевания с традиционным пониманием этого понятия. Хайдеггер пытается показать, что утверждение автономности и самоценности человека не равнозначно утверждению человеческого достоинства, наоборот, равнозначно отказу от него. Все «гуманистические» определения не выделяют человека из общего ряда сущего, не «достигают собственного достоинства человека» [12: 201], тогда как гуманизм «в высшем смысле» – «это... гуманизм, в котором во главу угла поставлен не человек, а историческое существо человека с его истоком в истине бытия» [12: 208]. Пояснения самого философа свидетельствует о верности характеристики хайдеггеровского гуманизма, которое дает Дэвис, – «антигуманистический». Вместо внимания к конкретному человеку Хайдеггер предлагает восхваление человеческой миссии, разворачивающейся в истории судьбы собирательного человеческого существа, которое есть «вот» бытия, его страж и пастух. Осознание этой миссии должно решить все проблемы современного человека, вернуть ему достоинство и смысл существования.

Противоположное понимание гуманизма, в ответ на которое Хайдеггер и предпринимает попытку разъяснить собственную трактовку термина, развивает Ж.-П. Сартр. Философия Сартра, по мнению Хайдеггера, лишь еще одна разновидность метафизики, вычеркивающей из своих построений бытие. Если в онтологии Хайдеггера имеет место прежде всего Бытие с большой буквы как некая трансценденция и высшая подлинность, то у Сартра бытие распадается на бытие-в-себе, вещественный мир, в котором каждая вещь тождественна себе и который философу мало интересен, и бытие-для-себя, которое тождественностью не отличается и становится объектом анализа.

У Сартра нет места подобной трансценденции, он исходит из того, что человек (сознание) появляется в мире как чистая спонтанность, «несубстанциальный абсолюте» (поскольку его эволюционное возникновение из вещественного мира невозможно помыслить) [6: 30]. Сознание – ничто, так как в нем нет ничего такого, на что можно было сослаться как на суть сознания, в отношении него не действует принцип тождества, оно есть перманентное отрицание и самоотрицание. Мы не находим никакого действующего субстрата, т. е. субъекта. Человеческое «я» есть вторичное образование по отношению к первичному непозиционному сознанию, сознанию не находящемуся в каком-либо отношении к себе, нерелексивному, предстающему как ряд мгновенно сменяющихся друг друга актов. «Я» появляется только тогда, когда сознание делает себя самым предметом рассмотрения, т. е. в процессе рефлексии. Это, таким образом, всегда некоторый конструкт, попытка сознания быть тождественным самому себе.

Поскольку же нет никакого исходного «я», поскольку оно конструируется сознанием, причем конструирование это спонтанно, ничем не детерминировано, то сознание оказывается абсолютно свободным. Свобода – особый способ существования, это и недетерминированность, и несамотождественность человеческого существа. Сознание создает «я», стремясь оградиться от собственной чисто отрицательной и ничем не обусловленной природы, стремясь стать самотождественным. Это же желание побега от свободы лежит в основе всех антропологических концепций, говорящих о сущности человека или об особой человеческой природе. Поэтому гуманизм, апеллирующий к подобной абстракции бессмысленен. Также нельзя рассматривать человека в качестве цели, потому что он всегда незавершен. Подобные установки – «культ человечества» ведут к «замкнутому гуманизму», а в более далекой перспективе и к фашизму [7: 343]. Сартр, таким образом, подмечает еще один недостаток классического гуманизма – обращенность не столько к будущему, сколько к настоящему и прошлому: «Сущностью... является все то, что человеческая реальность понимает о себе как бывшей» [6: 72].

В противовес «замкнутому гуманизму» Сартр предлагает экзистенциальную концепцию творящего самого себя человека, единственного законодателя, на плечи которого возлагается вся ответственность за его жизнь. Но, выбирая себя, человек выбирает определенный образ человека, конструирует идеал, к которому должно стремиться, а значит, он ответственен и за жизнь других людей, за человечество в целом. Других каждый человек открывает уже в первичном акте самосознания, человеческая субъективность не является «строго индивидуальной субъективностью» [7: 336], она отсылает и к другим людям как условию его существования и самопознания. Таким образом, экзистенциалистский гуманизм, по Сартру, трактует человека не как изолированную индивидуальность, а как присутствующего в человеческом мире. Чтобы осуществить проект своего бытия, нужны другие люди, которые только и могут закреплять за личностью те или иные свойства и характеристики. То же верно и в отношении свободы и стремления к ней. В области деятельности моя свобода зависит от свободы других так же, как их свобода – от моей. Поэтому каждый должен в равной мере желать свободы и для себя и для других. Что касается истории, то ее Сартр пытается представить как соединение условий и проектов. Человек осуществляет свою свободу, свою возможность выбора в множестве ситуаций, преодолевая обстоятельства, т. е. постоянно переступает границы данной социально-исторической реальности. История оказывается полем действия, человек представляется не только как ее продукт, но и агент, и это еще один пункт сартровского гуманизма.

Итак, в рамках одного, хотя и объединяющего очень разных мыслителей, философского направления, мы находим прямо противоположные концепции гуманизма. Истоки противоположности – в различии онтологических систем и следующих из них концепций человека. Можно по-разному интерпретировать ключевое различие концепций Хайдеггера и Сартра, но я предлагаю рассматривать в качестве такового признание существования некоторого фактора – особого свойства, характеристики, природы в целом – делающего человека человеком. Хайдеггер постулирует существование сущности человека, тогда как Сартр постулирует существование свободы, которой оказывается несубстанциальное сознание. Важность именно этого расхождения становится очевидной, когда мы обращаемся к современным дискуссиям о будущем человека.

Гуманизм против трансгуманизма

В последние десятилетия антропологические дискуссии приобретают особое качество: если раньше будущее человека мыслилось в вариациях устройства, с одной стороны, общества, с другой – материальной среды, а также индивидуального существования в их рамках, то сегодня вариативным становится сам будущий человек – его физиологические и биологические, психологические и когнитивные, поведенческие и коммуникативные качества. В этом контексте традиционные вопросы, в частности, проблема человеческих природы и свободы, приобретают специфическое звучание.

Так же как решение вопроса о сущности человека поляризует гуманизм философов-экзистенциалистов, он становится камнем преткновения в споре вокруг трансгуманизма, стороны которого можно условно определить в качестве гуманистов (их позиция представлена в частности, работами Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, В. А. Лекторского) и трансгуманистов (условно, потому что в широком смысле гуманистами являются и трансгуманисты [5]). Выше уже приводилась цитата из небольшого эссе Дж. Хаксли, в котором он вводит понятие «трансгуманизм» и пишет о таком развитии человека, когда он, оставаясь человеком, одновременно выходит за собственные границы. До внушительного прогресса биотехнологий и обещаний цифрового бессмертия можно было игнорировать противоречивость этой установки – действительно, люди могут интеллектуально и технически развиваться, сохраняя принадлежность к биологическому виду *homo sapiens*. Однако программы

усовершенствования человека поднимают вопрос: а где та граница, за которой мы получим новый биологический вид и что будет означать переход за эту границу?

Как поясняет философ Д. Халл, «свойства, характеризующие биологические виды, являются, по крайней мере, „кластерными“», а «в большинстве случаев распределения, характеризующие биологические виды, являются мультимодальными» и, «как бы отчаянно ни хотелось представить биологические виды как естественные виды, характеризующиеся некими „сущностями“ или „природами“, мультимодальные распределения просто не подходят для этой цели» [15: 383]. Тот факт, что виды эволюционируют, еще более усложняет картину и вместе с тем позволяет ввести «генеалогические границы вида» и «характеризовать биологические виды в терминах отношений между предками и потомками. Организмы... образуют сложные сети... размножения» и «любой организм, являющийся частью такой сети, принадлежит к данному виду, даже если его признаки нетипичны» [15: 384]. Халл добавляет, что «те, кто считает ковариацию признаков фундаментальной и хочет, чтобы наш вид четко отличался от других видов, вынуждены прибегать к неловким концептуальным извращениям, чтобы включить в наш вид умственно отсталых, дислексиков и т. п., не допуская при этом пчел и компьютеры» [15: 384]. Этот саркастический комментарий утрачивает несерьезность в контексте развития искусственного интеллекта (ИИ): если то, что сегодня условно можно назвать компьютером, через определенное время достигнет уровня сильного ИИ и, кроме того, получит физический носитель, аналогичный человеческому телу, с генеалогической точки зрения он не будет человеком, но как быть с псевдосущностной стороной? Можно ли отказать существу, неотличимому от нас по совокупности признаков, в статусе человека на основании отсутствия генеалогической связи? С точки зрения эволюционной биологии – да, и такой ответ ставит вопрос о том, является ли человеческий статус биологическим или скорее социокультурным, открывая перспективу поиска не биологической, а феноменологической основы для его присвоения. Другими словами, если ИИ будет демонстрировать экзотичность, будет ли он человеком, пусть и искусственно созданным? На другом полюсе возможного будущего мы обнаруживаем не квазичеловека, а постчеловека – либо в виде нового биологического вида, либо в виде небиологической сущности.

Приверженцы гуманизма, который по Сартру определяется как закрытый, кажется, в большей степени страшатся проблемы пост-, чем квазичеловека. Возможное возникновение нового биологического вида рассматривается в оптике неизбежной смены одного вида другим, а не их сосуществования, поэтому постчеловек звучит синонимом смерти человека [4: 268–279], точнее его убийства, поскольку переход к постчеловечеству мыслится как осмысленное, целенаправленное движение. В итоге трансгуманизм предстает антигуманным проектом, причем его антигуманность не имеет исторических аналогов, поскольку никто еще не посягал на убийство всего человечества.

Сторонники трансгуманизма, опираясь на ценность человеческой свободы, на это возражают в духе Сартра, заявляя о том, что каждый человек должен иметь «широкую свободу действий в отношении того, какие... технологии применять к себе (морфологическая свобода)... и использовать при рождении детей (репродуктивная свобода)» [13: 203]. В этом требовании обнаруживается целый ряд проблем сартровского гуманизма. Во-первых, сам Сартр утверждал, что, выбирая себя, человек создает проект для всего человечества, а значит, так называемая морфологическая свобода предусматривает, что тот, кто решится на усовершенствование своих возможностей, посягает на идентичность человека вообще и идентичность каждого в отдельности. Во-вторых, репродуктивная свобода конкретного человека оказывается ограничением свободы всех его потомков. Как отмечает Хабермас, сторонники репродуктивных свобод обычно так озабочены ее ограничением со стороны государства и его вмешательством в вопросы «строения генофонда детей», что упускают из поля зрения радикальное изменение распределение свободы между поколениями [10: 90]. Действительно, если раньше случайный процесс эволюции решал, какими будут люди через сотни и тысячи лет, то теперь решать будут наши современники или ближайшие потомки.

В своих работах, посвященных гуманизму, и Хайдеггер, и Сартр, обличая оппонентов (по сути, друг друга) предостерегают от негативных последствий критикуемых позиций. Хайдеггер пишет, что «всякий национализм есть в своей метафизической сути антропологизм и... субъективизм» [12: 207] (ведь националисты забывают о всечеловеческой исторической миссии), а Сартр, напомню, обосновывает, что замкнутый гуманизм ведет к фашизму. Полвека спустя трансгуманист Н. Бостром уличает гуманистов в том, что они отказывают постлюдям в их достоинстве и ценности, и обосновывает необходимость говорить не только о человеческом достоинстве, но и о достоинстве постчеловека. Ф. Фукуяма вскрывает иную этическую коллизию, показывая: родители и в целом современные люди лишают потомков свободы выбора – какими качествами обладать и быть ли им людьми или иным

биологическим видом [9: 216–223]. По поводу аргументов Фукуямы Бостром недоумевает, почему нужно отдавать приоритет слепой случайности, а не осмысленному выбору родителей, замечая, что «будь мать-природа настоящим родителем, она бы сидела в тюрьме за жестокое обращение с детьми и убийство» [13: 211], но очевидно, что его аргумент бьет мимо цели. Его не стоило бы принимать во внимание, даже будь люди абсолютно рациональными и нравственными. Но с учетом иррациональности и неэтичности некоторых решений (в силу непредсказуемости их последствий, а не обязательно злого умысла того, кто эти решения принимает) вопрос о том, кто более жесток – природа или человек – остается открытым.

Оказавшись в дискурсивном поле, подобном описанному выше, мы обнаруживаем, что противостояние различных концепций гуманизма (к которым можно отнести и трансгуманизм [5]) приобретает политический характер – в том смысле, что каждая отражает, по выражению Дэвиса, «дефиниционную волю к власти» [14: 129] и как следствие волю к власти над будущим, грозя тоталитарным упразднением всех иных волей. Доводы и опасения как трансгуманистов, так и их оппонентов, фиксируют реальные проблемы и перспективные пути их решения, но изолированно каждая позиция представляется неудовлетворительной именно с точки зрения ценности как отдельной человеческой жизни, так и судьбы человеческой цивилизации в целом.

Заключение

Гуманное содержание гуманистического мировоззрения скрывает антигуманные практики своего утверждения в качестве универсальной системы взглядов и антигуманный характер подобного утверждения как такового. Это внутреннее противоречие показывает, что самый большой грех гуманизма не в индивидуализме, а в том, что он, опираясь на тот или иной онтологический фундамент, закрывает иные интерпретационные перспективы. В этом смысле и гуманизм Сартра оказывается таким же закрытым, как критикуемые им вариации. Означает ли это, что гуманистические концепции, подобно куновским парадигмам, несовместимы и при переходе от одной онтологии к другой понимание человека кардинально меняется? Характеризуя преемственность исторических форм гуманизма, Конрад замечает, что неверно полагать, будто ренессансная «концепция гуманизма устраняла прежние. Она и не могла бы это сделать: слишком драгоценны для человеческой жизни и культуры... те были. Но она добавила к ним новое и существенное – необходимое для того, чтобы идти вперед по пути истории» [3: 269]. Это и позволяет реконструировать идейно-философские предпосылки ренессансного и новоевропейского гуманизма – христианские, неоплатонические, гностические и герметические элементы продолжают опознаваться и в рамках новой мировоззренческой системы [5]. Однако они подчиняются основным идеям другой системы взглядов, отчасти теряя свою идентичность.

Претензия на универсальность вызывает неприятие со стороны любого, кто пытается опираться на идеалы диалога культур и равноправия мировоззренческих систем. Но мыслим ли в принципе диалог между Хайдеггером и Сартром или обобщенным гуманистом и постгуманистом? В чем, помимо взаимной критики, этот диалог может заключаться? Ответы на эти вопросы важны, поскольку определяют в том числе и мыслимость перспективы мирного сосуществования современных и улучшенных людей, но они станут предметом следующего исследования. Предваряя его, зафиксируем еще ряд полученных выводов. Во-первых, важнейшим болевым нервом гуманистической системы взглядов оказывается противоречие между свободой человека и необходимостью, которая заключается в его природе. В случае Сартра функцию природы берет на себя проектная определенность, которая при всех оговорках ограничивает горизонт выбора другими людьми их собственных проектов. Этот момент приобретает особую значимость в контексте открывающихся возможностей улучшения человека. Во-вторых, перспективы улучшения человека и создания ИИ делают крайне опасными как отказ от попыток сформулировать, в чем заключается сущность человека (это грозит потерей идентичности), так и консервативную стратегию, согласно которой любые изменения представляют неоправданный риск. В-третьих, спор сторонников и противников трансгуманистического антропологического проекта не просто приобретает политический характер, но уже сегодня становится актуальным предметом политических дебатов, что увеличивает потребность в его философском анализе.

Список литературы

1. Высокий герметизм / Пер. с древнегреч. и лат. Л.Ю. Лукомского. – СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001. – 416 с.
2. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и

различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Соч.: в 2 тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1994. 633 с. – С. 3–72.

3. Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1966. – 520 с.
4. Лекторский В.А. Человек и культура. Избранные статьи. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 640 с.
5. Пирожкова С.В. Трансгуманизм как антипод гуманизма и его форма // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 4. В печати.
6. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2004. – 639 с.
7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Пер. с фр. А.А. Санина // Сумерки богов / Сост. и общ. Ред. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1990. – С. 319–344.
8. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высш. шк., 1992. – 191 с.
9. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349 с.
10. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – 144 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб.: Наука, 2006. – 452 с.
12. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 192–220.
13. Bostrom N. In defense of posthuman dignity // *Bioethics*. 2005. Vol. 19. No. 3. P. 202–214.
14. Davies T. Humanism. – L., N.Y.: Routledge, 1997. – XVIII+152 p.
15. Hull D.L. On Human Nature // *The Philosophy of Biology* / Ed. by D.L. Hull, M. Ruse. Oxford: Oxford University Press, 1998. – P. 383–397.
16. Huxley J. Evolutionary humanism // Huxley J. *New bottles for new wine*. – L.: Chatto&Windus, 1959. – P. 279–312.
17. Huxley J. Transhumanism // Huxley J. *New bottles for new wine*. – L.: Chatto&Windus, 1959. – P. 13–17.

References

1. Bostrom N. In defense of posthuman dignity // *Bioethics*. 2005. V. 19. No. 3. P. 202–214.
2. Davies T. Humanism. London, New York: Routledge, 1997. XVIII+152 pp.
3. Descartes R. Reflections on the first philosophy, which proves the existence of God and the difference between the human soul and the body // Descartes R. Works: in 2 vols. Volume 2. Moscow: Thought, 1994. 633 с. С. 3–72. (In Russ.)
4. Fukuyama F. Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution / Trans. by M.B. Levin. Moscow: ООО "Publishing house AST": ОАО "LUX", 2004. 349 p. (In Russ.)
5. Habermas J. The Future of Human Nature. Moscow: Publishing House "All World", 2002. 144 с. (In Russ.)
6. Heidegger M. Being and Time. St. Petersburg: Science, 2006. 452 с. (In Russ.)
7. Heidegger M. Letter on Humanism // Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches. Moscow: Respublika, 1993. P. 192–220.
8. High Hermeticism / Trans. by L.Y. Lukomsky. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2001. 416 p. (In Russ.)
9. Hull D.L. On Human Nature // *The Philosophy of Biology* / Ed. by D.L. Hull, M. Ruse. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 383–397.
10. Huxley J. Evolutionary humanism // Huxley J. *New bottles for new wine*. London: Chatto&Windus, 1959. P. 279–312.
11. Huxley J. Transhumanism // Huxley J. *New bottles for new wine*. London: Chatto&Windus, 1959. P. 13–17.
12. Konrad N. I. The West and the East. Articles. Moscow: Main Editorial Office of Oriental Literature, 1966. – 520 p. (In Russ.)
13. Lectorsky V.A. Man and culture. Selected articles. St. Petersburg: SPbGU, 2018. 640 p. (In Russ.)
14. Pirozhkova S.V. (2022) Metamorphosis of the humanistic worldview: transhumanism as the antipode

of humanism and its form // Noospheric Studies. 2022. Vol. 4. In press. (In Russ.)

15. Sartre J.-P. Existentialism is a Humanism // The Twilight of the Gods / Ed. by A.A. Yakovlev. Moscow: Politizdat, 1990. P. 319–344. (In Russ.)

16. Sartre J.P. Genesis and Nothingness: Experience of Phenomenological Ontology / Trans. from French, preface and notes by V.I. Kolyadko. Moscow: The Republic, 2004. 639 с. (In Russ.)

17. Stepin V.S. Philosophical Anthropology and Philosophy of Science. Moscow: Higher School, 1992. 191 p. (In Russ.)

CONTINUITY AND INCOMMENSURABILITY OF HUMANISTIC CONCEPTS

PIROZHKOVA
Sophia

*Candidate of Philosophical Sciences,
Senior research fellow, Department of Theory of
Knowledge,
Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, pirozhkovasv@gmail.ru*

Keywords:

humanism
existentialism
worldview
human nature
freedom
transhumanism

Summary:

The article discusses the problem of the transformation of the humanistic worldview as one of the key factors determining the nature of strategic decisions taken in various fields of practice. The author builds on the dual understanding of humanism – as a special worldview that emerged in the Renaissance, on the one hand, and as an umbrella term that brings together various systems of views, which for one reason or another assign a special – central – role and value to a person, on the other. The second understanding makes it possible to consider humanism in diachronic terms as a worldview evolving from one form to another, but from a diachronic perspective it opens up a picture of systems of views and concepts that are in opposition to each other. This thesis is elaborated through the example of the analysis of two discussions about humanism, one of which unfolded within the framework of the philosophy of existence, and the second is still ongoing around the project of human improvement. It is shown that in both cases the main conflict is in the opposition of the predetermined essence/nature of a human and their freedom. It is proved that, despite the justified criticism of the concepts of closed humanism, i.e. those that postulate the existence of a special nature, special qualities, and thus a special human mission, even postulating the fact of the absolute freedom as a starting point does not save certain philosophical interpretations of humanism from the prospect of becoming a totalitarian anthropological project. It is also proved that in the context of the development of biotechnology and artificial intelligence, both the rejection of an attempt to fix the essence of a human and recognizing that a human can be anyone is fraught with loss of identity of both individuals and socio-cultural communities. It is concluded that it is necessary to search for a different strategy of humanistic discourse (as a dispute of different humanistic concepts), preventing its transformation into a struggle of different wills to power, which is especially vividly manifested in the discussions between transhumanists and their opponents.

УДК 165.62

THE PHENOMENON OF BOREDOM IN EDUCATION

**ВОЛКОВА
 СВЕТЛАНА
 ВЛАДИМИРОВНА**

*доктор философских наук,
 профессор кафедры философии и культурологии,
 Петрозаводский государственный университет,
 Институт истории, политических и социальных наук,
 Петрозаводск, Российская Федерация,
 svetavolkov@yandex.ru*

Ключевые слова:

philosophy of education
 pedagogy
 child
 boredom
 authenticity
 Heidegger
 Dasein
 comprehension

Аннотация:

Martin Heidegger's philosophy is a central concern of the article. Having the ideas expressed in M. Heidegger's fundamental ontology in 1920s as the starting point, the author seeks to examine an intricate connection between a phenomenological description of different forms of boredom and its manifestations in educational practices. As the outcome of the study it is proposed that the analytic of Dasein, especially its ideas about selfhood, boredom and care, applied to educational practices make the last ones authentic in nature.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 24 декабря 2022 года

Опубликована: 24 декабря 2022 года

In everyday life, a person often meets a situation when certain activities seem boring and uninteresting, for example, cleaning up the room or washing dirty dishes, while reading a book or watching a movie, on the contrary, seem to be something exciting. Any activity that a person finds himself involved in can be appreciated through this opposition: interesting - boring. Education is no exception. At the same time, while referring to pedagogical literature, what attracts attention is the fact that the word «boredom» itself is extremely rare and is often replaced by expressions such as «low motivation of students», «lack of cognitive interest», «low level of activity», «content, that which not corresponding to the level of personal development». The research gap in studying the phenomenon of boredom in educational practice is emphasized by many scholars. For example, P. Doherty argues that the majority of researchers, who state that boredom is one of the basic feelings of schoolchildren and students, do not describe the structure and interaction patterns that arise in educational experience, which cause boredom and an aversion to school subjects [3]. Education specialist T. Belton also notes that the relationship between education and the mood of boredom remains largely unexplored [1]. G. Breitenstein, who studied the phenomenon of boredom in the everyday life of schoolchildren, states the almost complete absence of special studies on this phenomenon in education [2].

Basically, in studies on issues of training and education, boredom is considered as such an emotional state from which deliverance should be sought. We do think, however, that our thinking on phenomenon of boredom should be oriented towards a deeper, existential level. In this case, we are faced with the question: whether the only problem is that students have lost interest, and the teacher has been unable to find a way to interest the students? We believe that to see boredom not only as negative, but also as positive phenomenon is of great importance. This would require to review of contemporary Heidegger's analytics of human being.

In his work «The Fundamental Concepts of Metaphysics» Heidegger identifies several forms of boredom. The first form of boredom is characterized by Heidegger as «being bored by something» (*gelangweiltwerden von etwas*). This form of boredom is characterized by the desire of a person to drive away boredom by finding something that can hold one's attention in order not to let the latter take hold of oneself. Explaining what is at

stake, Heidegger's example is that of being in an everyday situation, with well-known, banal forms of passing the time. One such situation is waiting at a railway station. Waiting at a railway station a person studies the train timetables and routes, counts the trees along the road, walks up and down, looks at the clock, etc., but despite all these attempts to wile away the time, the railway station nevertheless, is bringing up dead boring. An attempt to pass the time is an attempt to cope with a deep sense of emptiness that comes over a man when he turns out in such a situation. Heidegger stresses: it's not the rail station itself or the waiting people or the arriving trains, but the situation itself, in which they are placed that can give rise to boredom. Being unable to give what a person wants most of all – to get on a train at the scheduled time to leave the station itself – this situation makes the person to fall into this *being left empty* that is emerging in boredom [7: 154-177].

The second, a more profound form of boredom, that Heidegger investigates is «boring oneself with something» (*das sichlangweilen bei etwas*). Heidegger's example is that of being invited to a dinner party where the food is good, as is the music, and the guests are enjoying one other's company etc. But once back home, I am struck by the thought that I was actually bored the entire evening. This is presumably an experience most of us have had at some time. The strange thing about this form of boredom is that I am unable to identify exactly what I was bored with. According to Heidegger, the strange thing about this form of boredom is that a man is unable to identify exactly what he was bored with at this party. And furthermore a man did not make a single attempt during the entire evening to while the time away; on the contrary, he gave time free rein. And yet it feels as if the whole evening was nothing more than just passing the time. At a closer scrutiny, the party as such was a mere pastime. The consciousness of boredom that sometimes strikes us afterwards should be understood, states Heidegger, as a consciousness of an emptiness. According to Heidegger, the emptiness that crops up in this more profound form of boredom is the emptiness left by 'our proper self' [7:192-195].

So, how can the cross-section of Heidegger's analytics of boredom be applied in the educational realm? Apparently, the situative boredom or «being bored by something», as defined by Heidegger, is the most common form of boredom in educational situations or learning environments. This is just one of many observations that are rather commonplace in the educational practice. «Anja scratches a little with her legs. It looks as if she wants to stretch them. Otherwise, she remains absolutely still in her seat. Anja continues to play with her hair. Then she begins to play around with an index card. Meanwhile, Heiko places a paperclip chain around his neck, and acts as if he (or someone else) were strangling him. He makes a face like someone dying. Anja yawns. Heiko continues to play with the paperclips; he turns them into an arm bracelet, and then puts it around his wrist. At 1:20 pm Anja asks me the time. Heiko holds the chain in front of his face, and starts making faces. By 1:21 pm it starts getting loud, the lesson is over. The students pack up. They wait for their next course to start...» [2: 93]. The signs are easy to interpret: Anja and Heiko are bored, and attempting to pass the time away. They play with objects directly at their disposal such as cards, paperclips, pencils in order to take their minds off the lesson. Heiko and play with paperclips and cards, not because they like them that much, but rather because they must do something to occupy themselves, so as to divert their attention from the time that passes so slowly. Anja asks the time, in anticipation of the moment she has been waiting for, i.e., the end of the lesson. In the situation described, students are waiting for the lesson to end in a similar way a person is waiting at a railway station for his/her next train to depart. Why the learning environment is not meaningful, indifferent to the students, attempting to occupy themselves at the situation of the classroom lesson so as to kill time left until the end of the lesson can have different reasons. It is important to keep in mind the fundamental position of Heidegger's philosophy about the specifics of human existence. To define this specificity, Heidegger uses concept of *Dasein* and emphasizes that *Dasein* is an entity, «which in each case we ourselves are». That's why the entity is revealed itself to *Dasein* in a certain way, i.e. not as a result of some kind of automatic, natural process, as for example the act of affecting the external things on the human senses, but only if an entity affects *Dasein*, i.e. turns out to be meaningful for it in its being. In this regard, education and learning activities should not be identified with a particular kind of learning, a transmission of information or knowledge from the educator to students, but should be interpreted and organized also as the process that would open the wide opportunities for any future meaningful educational experience of the participants in that process. If the educational practice ignores this fact in its most varied manifestations, then the student finds himself in a situation where he simply passes the time away (or «kill time»). Doesn't student, as thrown being-in-the world and not even realizing why and what for he is here, see no reasons to stay-being held in the classroom other than external ones. The boredom that arises from dull and meaningless educational situation is as painful as being caught in a railway station waiting for the next train. In both cases “passing the time” is the only way out from the situation.

As already mentioned, «being bored by something» (*gelangweiltwerden von etwas*) is the most common form of boredom in educational realm. But can we attest that this form of boredom is the only one? Whether

there is a more profound form of boredom? As we recall, Heidegger finds a more subtle form of boredom – «boring oneself with something» (*sichlangweilen bei etwas*). This form of boredom is characterized by the fact that everything appears to be «tedious» which is not to say «indifference». For, as Heidegger states, if something is wearisome and tedious, then this entails that it has not left completely indifferent, on the contrary: we are present while doing something (gossiping with friends, reading, learning) given over to it, but not taken by it. Such kinds of activities, as Heidegger explains, «doesn't stimulate and excite, it doesn't give anything, has nothing to say to us, doesn't concern us in any way» and it doesn't engross us, leaving us empty [7: 142].

We believe this type of boredom correlates with educational practice. And it is perfectly possible to think of a situation, when a man has been very ingrained in what is happening, but all the same he can't help feeling dissatisfaction, that which may be described as «not on my own». The situation described above can be specified in various ways in educational practice. So, noticing an increased number of bored students with aimlessly wandering eyes, the teacher may be tempted to start telling jokes or recalling other funny accidents of life in order to draw the attention of the audience, to «wake up» the class participants. Such teacher's strategy may lead to the lesson or lecture becoming more entertaining than learning and developing. American philosopher and educator J. Dewey states that such procedure is properly stigmatized as «soft» pedagogy; as a «soup-kitchen» theory of education methods [3: 122]. The main problem of such a limited, one-sided approach to increasing the pupils' interest in learning activities, understood as an effective remedy in dealing with boredom in class, is that the teacher, selecting appropriate techniques to revive the classroom activities often with little willingness tries to understand what's happening to the student himself because of these techniques. If the teacher thinks of these methods as an automatic «magic crystal ball», then the process of learning is often operating in the blind, randomly. The episodic introduction of elements of animation into the content, teaching methods and forms of work of students in order to arouse cognitive interest will only give a short flash of immediate interest. Occasional introduction of stimulating elements in the education content, teaching methods and students' forms of working with a view to enhancing students' cognitive interests will only give the short outbursts of immediate interest. Clearly, external stimuli may generate students' interest and assist them in constantly trying to escape from boredom in the class when time becomes drawn out, becomes long. Nevertheless, the elimination of a seemingly appealing educational situation and learning environments may lead to the decrease of the interest giving way to boredom again. It is obvious, therefore, that the opportunities to gain new educationally viable experience has been significantly declining. A person who is dependent on both external stimuli and entertainment who needs outside assistance and support to encourage his cognitive interest, who does not understand the changing nature of interests that motivate cognition, is not free. What is being concealed by this desire for interesting is the desire to drive away boredom, to find anything, that can hold one's attention.

Another situation, that deserves our attention, is perhaps a situation where a pupil or a student is doing what he or she is required for him or her to be done. The student fulfills the outer educational expectations (parents', teachers' etc. demand) by being engaged, but what and how he learns is not of importance. It is often even if the students pass the test with the highest score and present excellent progress in their studies there is always a possibility that they, despite their success, do not really feel comfortable and satisfied. The students' attempts to study harder, with more passion to avoid the strong feeling of emptiness seem to have no effect. It feels like everything is well, but there is something missing. This effect correlates with the second form of boredom that Heidegger points as «boring oneself with something». The most striking example of this form of boredom may be one of the observations of everyday school life, which G. Breidenstein mentions in his research. He gives the observation for three girls in Latin class: «The three do not raise their hands, but are attentive; for they have apparently made an error that all three immediately correct. Now each of them is sitting by herself with her head facing the respective notebooks. Only Astrid is giving a somehow bored juvenile impression. However, they have noticed (at least Astrid) me observing her, and continually looks over to see if I am watching. Is her performance just for me?» [2: 99]. As the illustration makes clear, Astrid signals that she does exactly what she is supposed to do, she does the same what the other students do, but without interest and engagement. She's keen to show that her actions are done out of a sense of obligation, but are not connected with her «person», i.e., with her own interests, motives, or thoughts; there was still, in terms of Heidegger, an emptiness, which means that Astrid's activities failed to fulfill her needs.

Until now, we have been talking about two types of boredom, ignoring the third, so-called «profound boredom» («*est ist einem langweilig*»). The profound form of boredom does not stem from anything specific. In the profound form of boredom I am not bored by the situation or by myself. This is impersonal boredom, when it is boring for one «not for me as me, not for you as you, not for us as us, but *for one*. Name, standing, vocation, role, age and fate as mine and yours disappear» [7: 217]. The peculiarity of this form of boredom is that it

indicates specificity of the human being, that which Heidegger describes with the term *Dasein*. *Dasein*, however, has numerous meanings. I shall point the most essential one. The concept *Dasein* describes the being of the particular kind of entity that is the human being, which, in its being, is concerned with this being itself, and treats this being as a task. *Dasein* is confronted with a choice of one of its existing possibilities: to be ourselves (authentic mode of being) and not to be ourselves, not to choose, namely, to lose ourselves (inauthentic mode of being).

Thus, what is distinctive in a profound form of boredom, according to Heidegger, is that in profound boredom we exist in a field of proper possibilities to find ourselves, to be genuine. Following Heidegger's analysis of boredom, we can agree, that without experiencing profound boredom there is no self, no freedom, and *Dasein* (being-in-the-world) appears to be absent presence or presence-as-absent. Whereas in the first form of boredom we can turn away from it by passing the time so that we do not need to listen to it; and what is distinctive in the second form of boredom is that we don't want to listen to it; and in the case with profound boredom we are «being compelled to listen, being compelled in the sense of that kind of compelling force which everything properly authentic about *Dasein* possesses, and which accordingly is related to *Dasein's* innermost freedom» [7: 219]. It remains only to accept our boredom as attunement and «to let it be awake». So refusing our own mood in our efforts to meet the social norm, which is expressed in the warning «Do not give in to your mood!», creates the danger that we'll lose us as ourselves and become only and first of all like others. The authentic being of a man is then lost, remains unseen. The concept of education as a place for the realization of one's own existential projects correlates with Heidegger's idea of the understanding of education formulated by Plato (*paideia*). The essence of «*paideia*», writes M. Heidegger, «doesn't consist in merely pouring knowledge into the unprepared soul as if it were some container held out empty and waiting. On the contrary real education lays hold of the soul itself and transforms it in its entirety by first of all leading us to the place of our essential being and accustoming us to it» [6: 350]. The “result” of such an education will be, in the language of Heidegger, «that everything that has been heretofore manifest to human beings, as well as the way in which it has been manifest, gets transformed» [6: 351].

So, based on the above, we believe that it is the mood of profound boredom that is the very “space” in educational practice, being immersed to which the student gets a chance to meet him as himself. In this regard, such understanding of the potential power and use of boredom is evident in a notable and rare instance of its recognition by an English educational institution – a private school in the UK, founded by Alexander Sutherland Neill. Summerhill's current policy statement says it aims «... to allow children to experience the full range of feelings ... Apparently negative consequences such as boredom, stress, anger, disappointment and failure are a necessary part of individual development ...» [8]. It is noteworthy that students of the school, although having motivation; students acknowledged their experience of boredom but also appreciate it as an impulse for self-change. Engagement, on the contrary, is perceived as the factor curtailing the potential for change or development. The latter circumstance is not accidental. The thing is that, on the one hand, a tight timetable is considered nowadays to be the true measure of a man's success and his sustainability and thus it is always highly appreciated by the society. And on the other hand, modern psychological studies reveal that children today are too busy, they have little or no free time. Children are prevented, more precisely, taken away from being bored (and they feel it and even proud of it). Thus the child's boredom is often recognized as an incapacity and is usually denied as an opportunity. This is largely due to the currently widespread entertainment industry and social stereotype, according to which the predisposition to boredom is regarded as a negative phenomenon. Being under the influence of these factors, parents tend to fill children's time and supply much needed childcare when kids are out of school. It is one of the most oppressive demands of modern society that the child should be interested, rather than take time to find what interests him.

Meanwhile, over-scheduling children is unnecessary and could ultimately keep kids from discovering what truly interests them. Under total engagements the kid would have difficulty in finding something that is his or her own because it could be so beyond what the parents have already planned. In order to understand what he or she is interested in a child should have times when there is «nothing to do». In this regard, equally convincing is the L. Fry's observation that «children need to learn how to be bored in order to motivate themselves to get things done. Being bored is a way to make children self-reliant» [5].

In summary, let's draw our attention to one of the other core ideas. *Dasein* is an entity which does not just occur among other entities, but is ontically distinguished by the fact that in its very being, that being is an issue for it. *Dasein* cares for its most authentic ability to be. In this regard, it is not enough to create the culture or knowledge intensive environments for the child. The existential longing for the education of one's self is equally, if not more, important. Actually, this is the main goal of education: not to «give» a child an education, but to breathe into the child a desire for education, to wake up in him a longing for his absent «I». The latter is

hardly possible without the student's experiencing the profound boredom. Thus one of the main imperatives of the philosophy of education is to allow the feeling of profound boredom to stay awake, and not to put it to sleep by various forms of entertaining and playful activities.

REFERENCES

1. Belton T., Priyadharshini E. Boredom and Schooling: A Cross-Disciplinary Exploration / Teresa Belton, Esther Priyadharshini // *Cambridge Journal of Education*. 2007. Vol. 37. № 4. P. 579–595.
2. Breidenstein G. The Meaning of Boredom in School Lessons. Participant Observation in the Seventh and Eighth Form // *Ethnography and Education*, 2007, Vol. 2 (1). P. 93.
3. Dewey J. *Democracy and education*. Moscow, 2000. 383 p. (In Russ.).
4. Doherty P. Developing Collaborative Research Methodology: Mapping the Context of Student Learning by Developing School-based Research Hypotheses / Paul Doherty // *Pedagogy, Culture and Society*. 2002. Vol. 10 (2). P. 223–238.
5. Goldhill O. Psychologists recommend children be bored in the summer // *Quartz*. June 11, 2016 URL: <https://qz.com/704723/to-be-more-self-reliant-children-need-boring-summers/>
6. Heidegger M. Plato's doctrine of truth // Heidegger M. *Time and being* / Martin Heidegger. Moscow, 1993. 447 p. (In Russ.).
7. Heidegger M. *The Fundamental Concepts of Metaphysics: World, Finitude, Solitude*. Saint Petersburg, 2013. 590. (In Russ.).
8. Program statement web - Summerhill School's general policy declaration. URL: <http://www.summerhillschool.co.uk/policy-intro.php>

THE PHENOMENON OF BOREDOM IN EDUCATION

**VOLKOVA
SVETLANA**

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of philosophy and cultural
studies,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
svetavolkov@yandex.ru*

Keywords:

philosophy of education
pedagogy
child
boredom
authenticity
Heidegger
Dasein
comprehension.

Summary:

Martin Heidegger's philosophy is a central concern of the article. Having the ideas expressed in M. Heidegger's fundamental ontology in 1920s as the starting point, the author seeks to examine an intricate connection between a phenomenological description of different forms of boredom and its manifestations in educational practices. As the outcome of the study it is proposed that the analytic of Dasein, especially its ideas about selfhood, boredom and care, applied to educational practices make the last ones authentic in nature.

УДК 7.01

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА АНТИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЛИЦЕЙ»)

**СУВОРОВА
ИРИНА
МИХАЙЛОВНА**

*Доктор культурологии,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
suvormih@list.ru*

Ключевые слова:

эстетика
античность
категории
журнал «Лицей»
публицистика
философия

Аннотация:

В статье исследуется проблема отражения эстетической мысли в эксплицитном виде в отечественной публицистике начала XIX века на примере периодического издания 1806 года «Лицей». В исследовании выявляется эклектичный характер художественного стиля, в котором работали отечественные авторы данного периода, и обосновывается необходимость обращения к античным образцам. По результатам обзора всех статей 12 выпусков журнала автор статьи выявляет тексты, содержащие непосредственные реминисценции античной эстетики или имплицитные отсылки к античным авторам в решении эстетических проблем. В исследовании выявляется, что самой обсуждаемой эстетической проблемой на страницах журнала «Лицей» была проблема классификации искусства. Приводятся примеры решения этой проблемы у авторов журнала в сопоставлении с позициями античных философов. В статье также рассматривается многообразие подходов авторов журнала к решению проблемы происхождения искусства с эстетической, этической и гносеологической точки зрения. Особое внимание в статье уделяется непосредственным реминисценциям античной эстетики в определении категорий мимезиса, прекрасного (во всех его разновидностях) и калокагатии. В итоге делается вывод о значительной рецепции античных образцов в текстах русских авторов по проблемам эстетического плана.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 24 декабря 2022 года

Опубликована: 24 декабря 2022 года

Развитие эксплицитной эстетической мысли в Европе пришлось на конец XVIII – начало XIX века, что было связано с популярностью «Эстетики» А. Баумгартена и «Критики способности суждения» И. Канта. Широкому кругу отечественных читателей эти источники были малодоступны, так как в то время на русский язык не переводились. Однако передовые издатели отечественных журналов понимали всю значимость новаторских западноевропейских концепций для своих читателей и потому публиковали на своих страницах статьи, посвященные вопросам эстетики. Примером такого журнала может быть «Лицей» 1806 года издания, в котором публиковались не только эстетические статьи, но и

периодически выходила рубрика «Эстетика». Обзор всех выпусков «Лицея» выявил, что из 12 номеров данная рубрика была представлена трижды (в Части 1, книге 1; Части 1, книге 2 и Части 2, книге 3), что свидетельствует о системном освещении эстетической проблематики в данном периодическом издании.

Целью статьи является анализ журнала «Лицей» 1806 года издания на предмет выявления реминисценций и проблематики античной эстетики. В ходе работы сопоставляется и сравнивается содержание эстетических категорий в античных первоисточниках и в текстах отечественных авторов.

На момент издания выпусков журнала «Лицей» в 1806 году авторы статей могли апеллировать только к оригинальным эстетическим первоисточникам своего времени, так как первые переводы появились в России только во второй половине XIX века. Поэтому вполне закономерно, что авторы обращались к опыту имплицитной науки, в том числе древнегреческим и латинским текстам, в которых поднимались важные эстетические проблемы.

Подобное обращение к античной классике объяснялось и приверженностью русских авторов к классицизму, хотя на смену ему в это время уже пришел стиль сентиментализма. С культурологической точки зрения подобное явление типично для переходного периода, когда один культурный тип или художественный стиль сменяется другим: «Сменяемые друг друга культуры в процессе непрерывного развития общества и человека представляют собой исторические типы культур, которые могут расслаиваться на подтипы под влиянием этнической и социальной дифференциации» [1: 55].

Подобная смена одного исторического типа культуры другим имеет и более глубокие экзистенциальные причины, как у А. Я. Флиера, который связывал каждый исторический тип культуры «с преобладающими на том или ином историческом этапе типами солидарности и идентичности людей» [7]. Относительно рассматриваемого нами периода А. Я. Флиер полагает, что «на рубеже XVIII–XIX вв. стала обретать актуальность и идентичность, основанная на социально-экономическом (классовом) положении человека, и связанная с этим борьба за построение более справедливого социального порядка» [7].

С эстетической точки зрения сочетание двух разных художественных стилей является эклектикой, требующей категориального анализа и выявления причин, по которым авторы в рамках нового стиля обращались к античным традициям предыдущего художественного стиля. Вероятно, авторы не могли отказаться от античных традиций в силу притягательности самой эстетики античности во всем ее разнообразии.

По мнению современного отечественного эстетика К. Г. Исупова подобная приверженность русской культуры античным образцам может быть расценена как ностальгия: «Во всех вариантах исторического разрешения ностальгического комплекса присутствует эстетическое переживание европейского прошлого как „своего“: Западно-Европейские Античность, Средние века и Ренессанс, наряду с опытом Византии, входят в состав родной исторической реальности как альтернативные миры, чья культурная энергия в нерастратченном остатке способна еще служить источником отечественного прогресса» [4: 9].

В любом случае, обращение отечественных авторов «Лицея» к античным первоисточникам имело многоаспектный характер, что отразилось на разнообразии рассматриваемых эстетических проблем. Так, одной из обсуждаемых на страницах журнала «Лицей» проблемой была классификация искусств. Например, в рубрике «Эстетика» Части 1, (книге 1) в статье «Язык и свойства искусств» анонимный автор предлагает систематизировать виды искусства по источнику восприятия в зависимости от «органов, коим всякое искусство принуждено прибегать» (Ч. 1, Кн. 1: 39–50). Однако при дальнейшем рассуждении он обнаруживает противоречие в такой системе, когда цели и способы восприятия отдельных видов искусств не совпадают, например, между музыкой и скульптурой. Автор статьи сравнивает современные ему взгляды на искусство с мнениями Плутарха, Полибия и Квинтилиана. Анализируя вторую классификацию современных искусств, он делит их на «умственные» – основанные на идеях – и «начертательные» – основанные на работе с телом. Подобное деление видов искусства аналогично позиции стоиков в этом вопросе, в частности по версии Цицерона [8] все искусства также делятся на две группы: неутилитарные и утилитарные, которые в античное время всего ценились более всего. Однако автор «Лицея» выясняет, что все искусства имеют недостаток чего-либо: музыка не может показать тело и т. п. И это обусловлено естественным положением дел в природе: поскольку искусство имеет свойство подражать объектам и явлениям природы, то таким образом заимствует ее недостатки. Однако сила и прелесть искусства в том и заключается, что мы «не замечаем сего недостатка» (Ч. 1, Кн. 1: 40), а получаем удовольствие. «Так ведь никто не жаловался, что в поэзии не используются краски, но все любят получать удовольствие от стихов» (Ч. 1, Кн. 1: 40). Эти мысли роднят

русского критика с эпикурейцами, которые также призывали получать истинное удовольствие именно от искусства. Идея эпикурейского гедонизма через гармонию духовного и телесного наслаждения прослеживается и в стихотворении автора под псевдонимом Бат:

Совет друзьям

О чем же мне теперь грустить?
Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здесь не вечна:
То лучше в жизни петь, плясать,
Искать веселья и забавы,
И мудрость с шутками мешать,
Чем бегая за дымом славы,
От скуки и забот зевать. (Ч. 1, К. 1: 13).

Подобно античным философам, неизвестный автор статьи «Историческое обозрение художеств» (Ч. 2, Кн. 2: 21–36) рассматривает проблему происхождения и функций искусства. Упомянутый автор критической статьи делает вывод о нескольких причинах появления искусства в глубокой древности: необходимость совместной жизни в племени, необходимость защиты от непогоды, потребность в приготовлении пищи. Кроме того, «приступая к строительству жилищ и к деланию нужных для себя вещей, надобно было иметь сперва понятие о той вещи, то есть, мысленно представить ее вид, образ, или лучше сказать, рисунок, следственно, рисование предшествовало зодчеству и ваянию, за которыми следовало уже идти живописи» (Ч. 2, К. 2: 23).

Подобные рассуждения русского автора вполне соотносятся с позицией Аристотеля, который считал, что причиной появления искусства является необходимость создания того, чего еще не было создано природой и «это некий причастный истинному суждению склад души, предполагающий творчество» [2: 176]. Однако русский автор связывает художественный процесс не только с творчеством и красотой, но и с воспитанием нравственности у народа: «Цель всех художеств есть польза и удовольствие; их образцы – красоты природы и нравственности; разборчивость же и выражение суть двух главных способностей истинного художника» (Ч. 2, Кн. 2: 36). Таким образом, автор статьи подводит итог своим рассуждениям о происхождении и функциях искусства на фоне подробного исторического экскурса с античных времен до начала XIX века.

Особое внимание авторы журнала уделяли толкованию эстетических категорий, в частности мимезису в разных видах искусства. Так в «Рассуждениях о словесности, читанных в Вольном обществе любителей наук, словесности и художества 18 ноября 1805 года» (Ч. 1, Кн. 1: 26–38) неизвестный автор трактует мимезис на основе античного наследия Аристотеля [3], имея в виду радость узнавания, которую получает зритель от произведения искусства.

Категорию красоты рассматривает Влад. Бриммер в рубрике «Эстетика» в статье «О пределах поэзии, в отношении к телесной красоте (Отрывок из Лессингова „Лаокоона“» (Ч. 1, Кн. 3: 15–26). В своем анализе красоты в поэзии он вполне созвучен Демокриту, который в трактате «О красоте слов» видел красоту поэзии в божественном вдохновении поэта. В свою очередь русский автор сравнивает красоту в поэзии и живописи и приходит к выводу о существенной разнице между ними: в поэзии, в отличие от живописи, красота одушевлена и динамична, поэтому всегда является новой. Вероятно, автор имел в виду временной характер поэтического искусства, что не вполне коррелируется с пространственным характером живописи. В духе эстетики Иммануила Канта другой неизвестный автор статьи (Ч. 2, Кн. 3: 18–22. Раздел «Эстетика») рассматривает разновидность прекрасного, а конкретно – категорию грации. С его точки зрения, «грация – совершенная стройность с загадкой, есть тихое движение, подобное жизни, в которой есть мера» (Ч. 2, Кн. 3: 18). Но, продолжая анализ грации как выражения прекрасного в искусстве, автор вновь в духе античной калокагатии связывает грациозность с этической категорией стыда: «стыдливость есть самая прелестная из граций» (Ч. 2, Кн. 3: 18). Таким образом, у русского автора прослеживается известная из античной философии иерархия Платона [6] от чувственно созерцаемой красоты через красоту духовную к красоте чистого знания.

Можно резюмировать, что в каждой статье журнала «Лицей» за 1806 год, исследующей эстетическую проблематику, есть непосредственные заимствования и отсылки к текстам античных философов, которые использовались как образец и источник для оригинального исследования.

1. Ануфриев С. И., Доманский В. А. Исторические типы и модели культур (к обоснованию культурологической концепции школьных курсов) // Вестник ТГПУ. 1998. Спецвыпуск. С. 55-61.
2. Аристотель. Поэтика. М.: Художественная литература, 1957. 184 с.
3. Аристотель. Этика. М.: АСТ, 2020. 416 с.
4. Исупов К.Г. Русская эстетика истории. СПб.: ВГК, 1992. 156 с.
5. Лицей. Периодическое издание Ивана Мартынова. СПб. 1806. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_INFOCOMM5_1000343640/
6. Платон. Пир // Диалоги. СПб: Азбука-классика, 2008. С. 297-361.
7. Флиер А.Я. История культуры как смена доминантных типов идентичности (начало) //Культура культуры, 2020. [Электронный ресурс]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-kultury-kak-smena-dominantnyh-tipov-identichnosti-nachalo/viewer> (22.08.2022).
8. Цицерон. Об ораторе. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/tsitseron_mark/ob_oratore.html#0

References

1. Anufriyev S. I., Domanskiy V. A. Historical types and models of cultures (to substantiate the cultural concept of school courses). In: Vestnik TGPU, 1998. Spetsvypusk, pp. 55-61. (In Russ.)
2. Aristotel'. Poetika [Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1957. 184 p. (In Russ.)
3. Aristotel'. Etika [Ethics]. Moscow, AST Publ., 2020. 416 p. (In Russ.)
4. Isupov K.G. Russkaya estetika istorii [Russian Aesthetics of History] St. Petersburg, VGK Publ., 1992. 156 p. (In Russ.)
5. Litsey. Periodicheskoye izdaniye Ivana Martynova. SPb. 1806. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_INFOCOMM5_1000343640/(accessed on August 22, 2022). (In Russ.)
6. Platon. Feast. In: Dialogi [Dialogues]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. Pp. 297-361. (In Russ.)
7. Fliyer A.YA. Cultural History as a Change in Dominant Identity Types (Beginning) In: Kul'tura kul'tury [Culture of culture] 2020. Available at: URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-kultury-kak-smena-dominantnyh-tipov-identichnosti-nachalo/viewer> (accessed on August 22, 2022). (In Russ.)
8. Tsitseron. Ob oratore. URL: https://royallib.com/read/tsitseron_mark/ob_oratore.html#0(accessed on August 22, 2022). (In Russ.)

AESTHETIC PROBLEMS OF ANTIQUITY IN RUSSIAN JOURNALISM OF THE EARLY 19TH CENTURY (A CASE OF THE LYCEUM MAGAZINE)

SUVOROVA
Irina

*Doctor of Culturology,
Professor of Philosophy and Culture studies Department,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, suvmih@list.ru*

Keywords:

aesthetics
antiquity
categories
Lyceum magazine
journalism
philosophy

Summary:

The article explores the problem of the explicit reflection of the aesthetic thought in Russian journalism in the early 19th century using the example of the 1806 Lyceum magazine. The study revealed the eclectic nature of the writing style of this period's authors and demonstrated the need to turn to ancient prototypes. The review of all the articles in the 12 issues of this magazine, identified texts containing direct reminiscences of ancient aesthetics or implicit references to ancient authors in solving aesthetic problems. The study revealed that the aesthetic issue most often discussed on the pages of the Lyceum magazine was the art classification issue. Examples of addressing this problem suggested by the magazine's authors are compared with the positions of ancient philosophers. The article also discusses a variety of the magazine contributors' approaches to solving the issue of the origin of art from aesthetic, ethical, and epistemological points of view. The article pays special attention to the direct reminiscences of ancient aesthetics in determining the categories of mimesis, beauty (in all its varieties), and kalokagathia. As a result, it is concluded that there was a significant reception of ancient samples in the texts of Russian authors dealing with aesthetic problems.

УДК 179.7

MEANS AND METHODS OF BUILDING EMOTION IN ONLINE FLASH FICTION

**ШПИНАРСКАЯ
ЕЛЕНА
НИКОЛАЕВНА**

*Кандидат культурологии,
доцент кафедры теории и истории культуры,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
kultura96@mail.ru*

Ключевые слова:

online fiction
writing contests
building emotion
respect for human life
various moral issues
murder
ethics
esthetics
decadence

Аннотация:

Online fiction is often known as an experimental platform for searching new literary forms and unconventional ways of making an emotional impact on readers. Contests hosted by many online platforms uncover high-profile texts. The article deals with a story in the genre of nanofantasy (up to 5,000 symbols) “The Final Cup of Wine” written by D. Laputina and published on M. Moshkov’s Samizdat platform as part of the 2021 contest conducted by the Chemistry and Life journal for several years in a row. The story stood out both for its bright and sensible images and for the emotional response of the readers. The article examines the means and methods of building emotion in the story from the ethical and esthetic points of view.

Flash fiction implies the highest concentration of sensibility in the text as a mechanism for grasping the world sensually. A number of esthetic categories used in the text deserve special attention. At the same time, moral issues are closely woven into the narrative fabric, presenting a complex set of problems related to artificial intelligence, respect for human life, murder, ethics, and so on.

The ultimate inability to verify an online author’s identity acts as an additional emotional component of the overall esthetic impact on the reader.

Moreover, the competitive environment presupposes the possibility of interpersonal communication between the author and the reader when comments on the text become an integral part of the text itself. These comments can take various forms and serve as an object of a separate study. This article, however, considers comments as a means of intensifying emotional impact actively used by online authors through the example of a particular story and its anonymous author.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 24 декабря 2022 года

Опубликована: 24 декабря 2022 года

Emotions in fiction are the object of research, the subject of description and at the same time the purpose of the work. The emotional response is the first and most important thing the artist achieves.

This article attempts to analyze a modern online flash fiction text published through the Samizdat platform, which is a relatively new form of literary work that uses a high emotional background as a means of

The Samizdat platform exists for diverse types of art; however, it attracts more people in the field of literature. New ways of communication and modern technologies allow people to create art objects that are of great interest for research work.

Samizdat's online prose is virtually unexplored. Many of the examples have only been available for reading for a few months, sometimes only a few days. Text length often becomes the decisive criterion for selecting reading material – the shorter, the better. Many online literary texts are miniaturized [3]. Flash fiction is more accessible under the changing conditions of existence on the Internet – since it does not take much time to read it, you still have a chance before it is gone.

From here we can talk about relatively new ways of emotion formation, besides those known since the emergence of art.

But even with this approach, it is quite difficult to select a particular text. Online writing contests, held regularly on various websites, provide invaluable help with an overabundance of texts. Contests are primarily used to select works according to a set of criteria.

One of the most famous online libraries on the Russian Internet is that of M. Moshkov (URL: <http://samlib.ru/>). The Samizdat platform of M. Moshkov Library organizes a series of contests, where the main requirements for the stories are their short length, up to 5,000-12,000 symbols. These three competitions, which took place in the last two years (2020-2021), can serve as an example: Inversion (125 works), Blackjack 21 (153 works), 2021 Chemistry and Life (169 works).

Contests unite enough participants to talk about the fierce competition of texts. We can conclude that the discovery of high-profile texts is primarily based on the level of the reader's immediate emotional response as a fundamental element.

The subject of this research is the short story “The Final Cup of Wine” by D. Laputina (URL: <http://samlib.ru/f/filjum/hij.shtmlsee>)^[1], which participated in the contest 2021 Chemistry and Life (URL: <http://samlib.ru/h/hizh2021/>) in the category of ultra-short fantastic stories (URL: <http://samlib.ru/cgi-bin/konkurs?DIR=h/hizh2021&AREA=2&ORDER=3>). (No. 24 in the list).

The protagonist of the story turns to a company that builds robots, using the latest technologies. After a week of ideal coexistence, the robot wife, made at his request, kills him.

The story, which embodies modern decadence, stood out for its bright and sensible images, high literary skill, and high emotional intensity of readers' reactions.

The means and methods of building emotion in the story are considered through a series of ethical and aesthetic categories used in the text.

The following statement is taken as the initial underlying premise: “The general, the particular, and the singular in ethics and morality presuppose a diversity of viewpoints” [1: 6], and morality itself is a cultural and historical phenomenon.

The story takes place in a dimension different from ours - in a fantastic world. This is a crucial element, because if “the development of bioethics and euthanasia today, as well as the preoccupation with the questions of life and death, have proved the relativity and limits of social relations” [1: 10], then the other world and the technologies used there lead to a corresponding ethics and morality. “With every achievement in science and technology, the unbiased possibility of human freedom steadily expands” [1: 13]. In the transition “to the changes in social life, it’s evident that the extent of freedom here increases much more slowly and definitely more inconsistently” [1: 13]. It is certain that inconsistency is a fundamental feature of this story and creates an emotional whirlwind.

The author builds the narrative in such a way that the main plot line – about an ideal robot wife constructed based on the latest technologies – remains hidden from the reader despite the direct reference. The description of the couple's daily life resets the reader, who begins to perceive the robot as a living being.

The first thing this story draws attention to is the act itself. The robot kills its beloved. “This description of the deed covers the entire range of questions that make up the content of ethics as a science of morality: Questions about the content and meaning of morality, about commonalities and differences in the concepts of “morality” and “integrity,” about choice and thus its basis, freedom, about moral value and countervalues” [1: 5]. The speed with which events unfold in the story – from unconditional love to murder – puts the readers in a state of affect that makes it impossible for them to rebuild so quickly and grasp the full range of issues covered in such a short text.

The author also introduces the concept of perfection, twice: we see the perfect beloved and a perfect human being. And destroys both concepts in a few paragraphs of text.

Thus, readers suddenly find themselves alone with the unparalleled scope of the text and its content, in

which morality manages to function as "a complex, often contradictory combination of something constant and changeable that permeates all areas of human activity" [1: 6]. The emotional impact of the text is like an uncontrollable avalanche.

At first sight we can say that the author succeeds in showing the psychological foundations of ethics, but she does not go into its practical task – the formation of moral qualities. The readers are set adrift, which in turn increases the emotionality of the text.

The approximate outline of the ethical problems of the text is substantially supplemented by esthetic categories.

The beauty, the ugliness, the tragedy, the comedy is depicted quite tangibly in the text.

The main female character is so beautiful that the author calls her "the perfect one," intentionally gives her a complex Cleopatra (or Cleo) and adds some accents to her simple image to enhance the emotional perception.

The ugliness is presented at the end of the story: "His scarlet guts formed a strange pattern" and the touching of the "still smiling" lips when it comes to a severed head.

The tragedy is the whole chain of the narrative, which the author at the same time refuses to acknowledge as such, ending the story with a captivating quote from a Saigyō Hōshi poem about cherry blossoms and a full moon in the sky. Note that these images are taken from a poem.

The comedy is the description of the tasks for the main character at the beginning of the story. For example, "Imagine that your neck can stretch 20 km into the air. Which cloud will you lick first, a cirrus or a cumulus?"

Each of these terms immerses readers individually and collectively in different and vivid emotional states. The result is the maximum concentration of the emotional impact of the text with minimal length.

But there is more.

The competitive environment presupposes the possibility of interpersonal communication between author and reader when comments on the text become an integral part of the text itself [2]. Comments can take various forms and serve as an object of a separate study. In this article, however, we consider comments as a kind of multiplication of emotional impact actively used by authors online, using the example of a particular story and its anonymous author.

Emotional reactions of readers account for up to twenty comments. The number of the author's replies is about the same. The readers show two polar attitudes towards the story: disgust and delight.

Where the author's replies serve to further aggravate the emotional state of readers

As an example, we have used several shortened statements by the author and readers, in no particular order (URL: <http://samlib.ru/comment/f/filjum/hij>)^[ii]. We have chosen those that do not require additional interpretation, are clear and self-explanatory.

If we summarize the comments, we can draw the following conclusions. First, we see an active use of scientific terms. Second, there are many references to works of world art. Third, the dialog with readers is intense.

All three conclusions speak to an emotional involvement with the text and its online existence.

In the context of the means and methods of building emotion, we can talk about achieving the author's goal – the maximum emotional impact of the text in a competitive environment.

Another aspect when considering the text is related to the basic unverifiability of an online author. This adds another emotional component to the overall esthetic impact on readers.

Turning to the author's last name, we find a reference to Gulliver's Travels, a "fantastic prose satire by Jonathan Swift that satirizes both human nature and public follies" (definition from Wikipedia).

The note to the rubric includes this quote from Swift: "If a man were to begin to write down all his thoughts about love, politics, religion, science, etc., what a heap of inconsistent and contradictory judgments would eventually accumulate!" Moreover, the author's rubric was for a time adorned with an illustration to the novel, and the author's surname is formed from the name of the flying island of Laputa, which is described in the third part of the novel.

This partly explains the fact that at the time of writing this article neither the story nor the author's rubric exists on the Samizdat platform of the M. Moshkov Library.

This can be considered an accompanying emotional effect.

If the goal is to expose the author, of course, it is possible. Usually, and in this case, the author leaves an e-mail address, responds to comments, and enters into a dialog with readers by posting the story online.

In summary, we can say that online literature significantly expands the boundaries of the emotional impact of texts on readers and requires further research, ethical and esthetic categories included.

Примечания

[1] The Final Cup of Wine (author's revision)

He struggled, above all, not with the loans he had to take out, but with the countless psychological tests. For the third month in a row, Gary has been going to the Nursery and spending about two and a half hours answering confusing and mostly silly questions and doing sometimes unpleasant but simple tasks. Many of them again and again.

"You're an absolute vegetarian, but do you ever feel like sinking your teeth into a leather sofa?"

"No."

"Imagine that your neck can stretch 20 km into the air. Which cloud will you lick first, a cirrus or a cumulus?"

"A thundercloud."

"Gary, you have an upscale, well-paying job that requires physical exertion. You grow perfect vegetables. You're happy about it. Also, you're a poetic person with a soft spot for the ancient arts. Is that true?"

"Absolutely."

"Perfect! Now pluck your left nostril as hard as you can with your little finger. And when you do, tell us why you chose to purchase our perfect product. Stop when you hear a whistle."

Gary kept gasping, tugging at his nose with his pinky for the hundredth time, allowing for small variations; he said that he sees women like cups filled with different kinds of wine, but it's always a premium one. Wine that inevitably ends. And now it's time for him to decide whether he's going to get that endless last cup, or whether he's going to stop drinking at all. The latter is out of the question because he's a healthy forty-year-old man; therefore, he's decided to buy his second half. The perfect one. After discussing it, thinking about it, and collecting enough suitable data, he chose this company. Since the Nursery doesn't use the usual neural technology, but the more obscure one described by the strange archaism "warm vibey action", they're the ones who get the perfect results. "A soul is breathed in" and "real magic happens". That's why you've to spend so much time on testing; you don't just stick your head in a neuroscanner...

A Mentor entered Nursery after a whistling sound.

This time, after the upbeat, tired tropes, "It's the perfect choice! We'll take care of your other half! We'll make you complete by any means necessary! Others have technologies, but we've the magic!" - the Mentor patted Gary on the shoulder and said eloquently said,

"Your order is complete."

"Finally!" Gary exhaled; his heart leapt as a girl entered the Nursery. "My goodness!"

He'd seen the products of the company: They were beautiful women; but now, with head tilted slightly to one side, this perfect woman was checking him out.

"I'm Cleo. Hi," said the girl. Her voice sounded like the whisper of leaves. Her small palm flew up like a butterfly and landed in Gary's big red hand. "This is exactly how I imagined you."

"Oh my God! "And I... I didn't imagine...", his hand began to tremble, and the tremor seized his whole body. Gary could not and did not try to hide it.

"This is it! This is your endless cup of wine, the one and only!" rattled the Mentor. "All your wishes and needs you can come up with will come true with our product. But not only those you can come up with yourself..."

Gary didn't listen, he only nodded automatically. Just as he was covered with rainbowy dew, Gary walked on the mist, on the clouds, leading his other half out of the building.

"... but also those hidden from you, the most intimate ones. The very most! With all our hearts, we..."

*

For Gary there was no more past; it all turned into dust. Cleo stood at the open door: colors and shades, waves and peace, happiness, and rapture - everything was now fully available to him.

"You are my eyes," he said, flying above the bright whiteness of Makalu.

"You are my hands," she said, helping him dig up the shiny black shiny soil.

"You are my ears."

"You are what I wish for."

They've been saying this like mantras, again and again. And it looked as if there was no time, only infinity.

On the seventh day, Gary noticed sadness and restlessness in his beloved's eyes.

"It's OK, love", she whispered back to him. "I just remembered this old Coltrane's song."

"My Favorite Things? Oh, I've known it since my childhood."

"No, but the one from the same album. Every Time We Say Goodbye. And a tanka poem that came back to me."

"Matsuo Bashō? Oh, I know everything by heart. Or someone else?.."

"Someone else. Saigyō Hōshi. I was so fascinated that I bought something."

"A set for a tea ceremony?" Gary smiled. "Wonderful! It's been a long time..."

He didn't finish his phrase, and a drone flew out of the open window. A long, slender object fell from its aluminum casing. Shining gold, the object landed in Cleo's hands.

A katana, a Japanese sword.

The blade shone and struck twice. Gary crashed to the white marble floor. His scarlet guts formed a strange pattern, and his head rolled to his lover's feet. Cleo dropped to her knees and whispered to the still smiling lips:

Let me die in spring
under the blossoming trees,
let it be around
that full moon
of Kisaragi month.

[iii] Extract from the comment section (with minimal reduction)

46. Aleksey K. Tikhonov 2022/01/21 11:57 [reply]

It's a deed and a multi-layered story that raises many questions. How you managed to pack everything into such a short story is a mystery)

Bravo!

41. *Mikhail Boldyrev 2021/11/23 19:58 [reply]

> > 35.Darya Laputina

> Every esthetic, ethical or philosophical preference is more or less eclectic.

That's right, Darya, since we often tend to somehow refract and combine within ourselves. In art, however, attitudes toward combining approaches or styles sometimes vary widely. Some consider it a hodgepodge and an unacceptable pollution, i.e., eclecticism is the opposite of style; others find pleasure in this postmodern mix of pieces and bits. Maybe it depends on the time. Or on individuality. As the Grinch once said: for one it's nuclear waste, for another it's a sweet medley :)

Could you please address the eclectic in ethical preferences?

> It's unnatural if you find syncretism there.

Why so? Sometimes it comes across naturally at certain stages. You're young and don't know much, you're old and can't see clearly through your experience – a lot can happen. And it can happen quite naturally.

40. Darya Laputina 2021/11/23 16:16 [reply]

> > 39.Nika-Elena Saganenko

> I think the ending is the classic Et in Arcadia Ego.

Intriguing, yes. Want to quote Poussin here: "Death finds us at our happiest".

3. *Darya Laputina 2021/11/17 23:43 [reply]

> > 1.What's that?!

> But the ending is very disgusting, and it takes some time for this feeling of disgust to fade away. Is the author a maniac?

Thank you, I am pleased it made you so emotional. It's quit shocking, isn't it? However, I am quite surprised by your negativity. What are the reasons behind it? My guess it's ignorance, narrow-mindedness, and underdevelopment.

References

1. Ivanov V.G. Ethics. Short Course, St. Petersburg: Piter, 2009 (In Russ.)
2. Urban K.N., Tokar O.V. Features of online literature, differences, and similarities with traditional literature. // Trudy BGTU [Proceedings of BSTU]. Series 4: Print- i mediatekhnologii [Printed and Media Technologies]. 2019. No. 2 (225). P. 95-100. (In Russ.)
3. Cherkunova M.V., Ponomarenko E.V. Mini-texts of English web-literature in the context of contemporary digital discourse: system-dynamic approach // Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology. 2021. V. 27. No. 4. P. 168-175. (In Russ.)

MEANS AND METHODS OF BUILDING EMOTION IN ONLINE FLASH FICTION

**SHPINARSKAYA
ELENA**

*Candidate of Cultural Studies,
Assistant Professor of the Theory and History of Culture
Department,
Herzen State University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, kultura96@mail.ru*

Keywords:

online fiction
writing contests
building emotion
respect for human life
various moral issues
murder
ethics
esthetics
decadence

Summary:

Online fiction is often known as an experimental platform for searching new literary forms and unconventional ways of making an emotional impact on readers. Contests hosted by many online platforms uncover high-profile texts. The article deals with a story in the genre of nanofantasy (up to 5,000 symbols) "The Final Cup of Wine" written by D. Laputina and published on M. Moshkov's Samizdat platform as part of the 2021 contest conducted by the Chemistry and Life journal for several years in a row. The story stood out both for its bright and sensible images and for the emotional response of the readers. The article examines the means and methods of building emotion in the story from the ethical and esthetic points of view.

Flash fiction implies the highest concentration of sensibility in the text as a mechanism for grasping the world sensually. A number of esthetic categories used in the text deserve special attention. At the same time, moral issues are closely woven into the narrative fabric, presenting a complex set of problems related to artificial intelligence, respect for human life, murder, ethics, and so on.

The ultimate inability to verify an online author's identity acts as an additional emotional component of the overall esthetic impact on the reader.

Moreover, the competitive environment presupposes the possibility of interpersonal communication between the author and the reader when comments on the text become an integral part of the text itself. These comments can take various forms and serve as an object of a separate study. This article, however, considers comments as a means of intensifying emotional impact actively used by online authors through the example of a particular story and its anonymous author.

УДК 141.3

ОСНОВНЫЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА СТЕЙНБЕКА

**ВАСИЛЬЕВА
СВЕТЛАНА
ВЛАДИМИРОВНА**

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
milorada07@mail.ru*

**ПАВЛОВА
ЕКАТЕРИНА
АНДРЕЕВНА**

*Магистрант Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
hilfcol88@yandex.ru*

Ключевые слова:

Джон Стейнбек
«Гроздь гнева»
«О мышах и людях»
экзистенциальная категория
экзистенциал
ценностная категория
«опора для существования»

Аннотация:

Статья посвящена исследованию творчества американского писателя Джона Стейнбека с точки зрения функционирования в нем основных экзистенциальных категорий или «экзистенциалов» человеческого бытия. Экзистенциализм рассматривается авторами статьи как феномен, который вышел за рамки философского направления и литературы и вошел в культурную традицию как конгломерат вопросов, которые напрямую касаются антропологии. Экзистенциальные категории выводятся в результате анализа философско-культурной базы экзистенциализма, а также посредством обращения к конкретной исторической ситуации. Термин «экзистенциал», принадлежащий М. Хайдеггеру, трактуется здесь как «базообразующая ценностная категория», «опора для существования» и используется в качестве элемента литературоведческого анализа. Авторами выявляется и исследуется ряд экзистенциалов, характерный для литературоведения и способный видоизменяться в ракурсе сюжета конкретного произведения. В результате исследования сделан вывод о том, что в творчестве Дж. Стейнбека наиболее частотны экзистенциальные категории, связанные с проблемой существования человека в заданной ситуации и представляющие собой экзистенциалы «опоры и преодоления», такие как «мечта», «надежда», «смысл жизни», что напрямую связано с воссозданным автором контекстом. В целом анализ литературного произведения с позиции функционирования в нем экзистенциальных категорий позволяет анализировать произведение в его историко-культурном плане, а также составить более глубокую и исчерпывающую характеристику литературных персонажей.

Введение

XX век вошел в историю как эпоха противоречий. Начало нового столетия было пронизано надеждами, человек находился в ожидании преобразования жизни, зарождения нового – лучшего – мира. Но мир, который встретил его, оказался враждебным, жестоким, абсурдным. В начале XX века, в 1914 году, началась война, которая охватила все человечество. Старый мир рухнул, пали идеалы, исчезли надежды на будущее. Человек оказался заброшен в мир, осознать суть которого он не мог. Настроения смятения, отчаяния и протеста охватили общество. Сознание личности того периода определяла установка на защиту собственного существования, находящегося под угрозой уничтожения. На этой почве сформировалось новое направление – экзистенциализм, в центре которого встала проблема выживания человечества, с исходящим из нее вопросом о человеческой сущности.

Польский ученый Ежи Коссак писал: «Экзистенциализм как направление современной мысли – это не система определенных философских взглядов, а конгломерат различных философских и литературных мотивов, что создает возможность различного толкования самой его сути» [6: 50]. Экзистенциализм никогда не был ограничен философскими и литературными рамками – это, скорее, межкультурный феномен, в основе которого лежит исторический, социальный, интеллектуальный и духовный опыт человечества. Мы рассматриваем данное направление как культурное явление, которое созрело и развивалось на фоне определенных геополитических изменений. Безусловно, экзистенциализм имеет под собой философскую подоплеку и связан с именами таких выдающихся мыслителей, как С. Кьеркегор, К. Ясперс, М. Хайдеггер и др. Зародившись в момент кризиса общества и выступив как реакция на рациональные позиции идеализма, экзистенциализм вобрал в себя мотивы и настроения, которые впоследствии стали «фундаментом» для литературного творчества.

Проблемы свободы и ответственности, мотивы одиночества и отчуждения близки европейской культуре в целом, однако повышенный интерес к этим мотивам приходится на 30–60-е годы XX века. Это связано, в первую очередь, с трагическими обстоятельствами, с которыми столкнулось человечество: жестокость Второй мировой войны, появление идеологии фашизма, изобретение ядерного оружия – все эти исторические моменты, безусловно, отразились на общественном сознании и вызвали интерес к проблеме личности с точки зрения экзистенциализма.

Отрицание возможности рационально объяснить все явления, сопутствующие человеку, и попытка отказа от научной терминологии, с помощью которой невозможно выразить суть экзистенциальных категорий, заставило деятелей экзистенциализма обратиться к языку искусства и облачить философские доктрины в художественные формы. Так, например, А. Камю в эссе «Миф о Сизифе» раскрывает тему абсурдности человеческого существования. Концепции, отраженные в данной работе, воплощаются в художественной форме в романе «Посторонний». Ж.-П. Сартр также отразил свои философские воззрения в литературной деятельности. Например, тема одиночества, важная для философии Сартра, проходит через новеллу «Стена» и роман «Тошнота». И Ж.-П. Сартр, и А. Камю являются общепризнанными писателями-экзистенциалистами, однако экзистенциализм – это больше, чем конкретное литературное направление, это широкое течение, к которому относят не только писателей, чья деятельность связана с философией экзистенциализма, а расширенный круг авторов. Экзистенциальные мотивы одиночества, отчуждения, страха, свободы, хаоса и абсурдности прослеживаются в произведениях европейской, русской и американской литературы.

Исследование литературного творчества через призму экзистенциализма не ограничивается только лишь рассмотрением мотивов и настроений, свойственных данному направлению. В литературоведческом анализе могут быть применимы также экзистенциальные категории, которые строятся вокруг ядра экзистенциализма – человеческой экзистенции, представляют собой непреходящие ценности и раскрывают проблему человека в произведении наиболее основательно.

Существование как ядро экзистенциализма. Экзистенциалы человеческого существования

Экзистенциализм – феномен, который следует рассматривать вне конкретной философии или литературы, что объясняется его центральным компонентом – термином «экзистенция», который тесно связан с проблемой человека, как следствие – имеет весьма условный характер и интерпретируется в работах ряда мыслителей оригинальным образом. Ядро экзистенциализма, а именно ценность человека

и его жизни, содержится в самой этимологии понятия «экзистенциализм». Термин восходит к латинскому слову *existentia* («существование»). Анализируя трактовку данного термина в работах С. Кьеркегора [8], К. Ясперса [18], [19], М. Хайдеггера [15] и Ж.-П. Сартра [11], можно сформулировать следующее определение: экзистенция – единственное и уникальное бытие человека; по сути своей экзистенция – это существование, однако не просто присутствие человека в мире в качестве живого существа, это, скорее, то, что скрыто «внутри» – некий духовный потенциал, который реализуется только в процессе активного соучастия человека в сущем. Человеку не подвластно решить, желает ли он родиться или отсрочить момент своей смерти, он лишен права выбора исторически-временного промежутка, в котором он бы желал провести свою жизнь, то есть существование – это факт, повлиять на который невозможно. Экзистенция же соткана из постоянного выбора в напряженных или даже враждебных ситуациях, которые заставляют человека вырваться из оков повседневности и осознать себя как существо свободное в своем выборе, но ответственное за себя самого и за этот свой выбор.

Человек, являясь созданием, способным мыслить, рефлексировать и чувствовать, не может пассивно присутствовать в мире. Для того чтобы существовать, ему необходимы определенные цели – факторы, которые определяют и «направляют» его экзистенцию. В философской традиции такие факторы именуется «модусами экзистенции» или «экзистенциалами». Термин «экзистенциал», введенный М. Хайдеггером, включает в себе широкий спектр детерминации. Данное исследование основывается на следующей трактовке, относящейся преимущественно к «положительным» экзистенциалам: «ценностные узлы, квинтэссенции смысла, целей, стремлений, „плавающие опоры“, которые задают параметры существования в мире абсурда» [12: 167]. Сюда относятся понятия «вера», «надежда», «любовь», «ответственность», «свобода». Именно на основании экзистенциалов формируется экзистенция человека: «Экзистенциалы интенцируют усилия по самореализации индивида в мире, формированию его „жизненного мира“, рефлексии и конституируют уникальный опыт личности в конкретных ситуациях» [3: 76].

Экзистенциальные категории «смысла», «свободы» и «ответственности»

Вследствие того факта, что человек изначально попадает в обстановку, которую он не может выбирать – в мир, чуждый и непонятный ему, он испытывает чувства беспомощности и отчуждения. Иногда окружающий мир предстает перед ним не только как система необъяснимая, но и действительно враждебная и опасная: катастрофы, катаклизмы, глобальные конфликты, военные действия – такого рода факторы ставят перед человеком вопрос о сохранении собственного существования как первоочередной. Когда существование находится под угрозой, человек пытается найти какие-либо опоры и цели, способные наделять абсурдное существование смыслом.

Категория смысла жизни и поиска «опор» для жизни является одной из важнейших в экзистенциальной проблематике. «Поиск смысла жизни направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия. Этот поиск оказывается необходимым, когда рушатся все опоры и человек повисает в метафизической пустоте» [16]. Вопросы о смысле и предназначении выходят на первый план в пограничных ситуациях, в особенности в ситуации перед лицом смерти. Смысл не обязательно связан с глобальным проектом, охватывающим всю жизнь, и соотносится только лишь с понятием «смысл жизни». Для человека представляется невозможным существовать бессмысленно, ему необходимо постоянно находить какие-то опоры – ориентиры, с помощью которых можно задавать направление жизни. Человек задает себе реальные, земные цели, которые помогают ему преодолеть трагичность своего бытия, и в особых случаях «прорваться» через тяжелые обстоятельства. Под «опорами для жизни» в рамках данной работы подразумеваются такие положительные экзистенциалы, как «надежда», «мечта», «семья».

Существование в экзистенциализме рассматривается как нечто уникальное, неповторимое; экзистенция человека формируется самим человеком, он является «проектом» самого себя, в чем заключается его свобода. Свобода в экзистенциализме понимается «как результат духовной работы над собой человека, способного переживать глубокие чувства при освобождении, которое происходит в момент выбора себя» [7]. В трудах С. Кьеркегора [9], К. Ясперса [17], А. Бергсона [2] категория выбора вступает в тесную взаимосвязь с категорией ответственности.

Суммируя тезисы, представленные в работах перечисленных мыслителей, подведем следующий итог: свобода человека изначально заключена в его природе, достижение подлинной свободы связано с выбором. Причем выбор в экзистенциализме предстает перед нами в большей мере не как альтернативные действия в определенной ситуации, а как индивидуальное отношение личности к

данной ситуации, которое может иметь различную направленность. Выбор во всех вариациях является положительным для человека, даже если он предстает как отрицательный с точки зрения моральных ценностных категорий, заданных обществом; экзистенциальный выбор не кодируется оппозицией «добро – зло» в классическом понимании.

Какой бы путь человек не выбрал – он будет верен для него. Поистине свободной является личность, способная совершить выбор, руководствуясь собственными внутренними побуждениями, а не детерминирующими факторами извне: законами, общественными предрассудками, общепринятыми моральными нормами. Это не означает вседозволенность. Смысл в том, чтобы человек жил согласно своим внутренним, истинным ценностям и ощущал ответственность за свои действия. Каждый выбор влечет за собой последствия, за которые ответственен вершитель этого выбора, поэтому категория «выбор» тесно связана с категорией «ответственность». Человек, совершая выбор, прежде всего, ответственен за себя: он сам является проектом собственной личности. Однако человек является частью социума и находится в постоянной коммуникации с его членами, поэтому он несет ответственность и за людей, его окружающих. Этот посыл наиболее ярко проявляет себя в повести Дж. Стейнбека «О мышах и людях», а именно в действиях центрального персонажа в критической ситуации, что будет рассмотрено ниже.

Социально-историческая обстановка в США в XX веке. Великая депрессия (1929–1933). «Надежда» и «мечта» как экзистенциалы существования

Польский исследователь экзистенциализма Ежи Коссака указал на то, что экзистенциализм «состоит из множества близких друг другу мировоззренческих мотивов», общие черты которых можно уловить лишь «на фоне жизненной установки, из которой они вырастают» [6: 18]. При анализе литературного творчества с позиции экзистенциализма стоит учитывать конкретный историко-культурный и непосредственный контекст произведения. Творчество Дж. Стейнбека посвящено периоду Великой депрессии в США, который дает все основания для рассмотрения его с точки зрения экзистенциализма.

Как было отмечено ранее, проблема человека наиболее остро встает в кризисные для общества моменты, когда неуверенность человека в прочности привычного мира неуклонно приводит к сомнениям в устойчивости собственной личности и поискам оснований для существования в суровых, враждебных условиях. Период Великой депрессии – это именно такого рода кризисное время, которое заставило людей пережить тяжелейшие условия, и, тем самым, изменило сознание народа. На фоне ситуации, в которой оказалось американское общество, менялись базовые ценности человека, утратилась вера в могущество государства и прогресс. Многие были вынуждены оставить свой привычный образ жизни для того, чтобы просто выжить.

Великая депрессия охватила все общество, тяжелейшие условия выпали на долю фермеров. Кризис нанес непоправимый урон сельскохозяйственной отрасли: цены на сельскохозяйственную продукцию упали, труд фермеров обесценился, что привело многие семьи к разорению. Помимо этого, людям пришлось столкнуться с природным катаклизмом, усугубившим их положение: засуха и огромных масштабов пыльные бури превратили плодородные земли в пустыни. Государство не оказывало людям социальной поддержки, поэтому помощи ждать было неоткуда. У фермеров оставалась лишь мечта о том, что в ближайшее время они найдут место, где будет работа, где земля всегда будет плодородной, где дети будут сыты. Именно такого рода мечты помогали людям обрести новый смысл, найти основание для существования в таких нечеловеческих условиях.

Категория «мечта» обоснованно может быть представлена как один из экзистенциалов человеческого бытия, так как экзистенциалы в некотором смысле представляют собой опору человеческого существования. В ряду положительных экзистенциалов принято выделять «надежду» – категорию, которая на семантическом уровне имеет некоторое сходство с понятием «мечта», однако данные понятия имеют различия в коннотации, поэтому полноправно могут быть выделены в две различные категории.

Говоря о надежде, мы имеем в виду «ожидание чего-л. благоприятного, в сочетании с уверенностью в его осуществлении» [5]. Испытывая надежду, человек верит, не сомневается, считает «исполнение своего желанья вероятным» [4]. Надежда близка к понятию «вера», которое также выделяют в один из экзистенциалов. Как вера, так и надежда «направлены на преодоление какой-то ситуации, какого-то положения» [10: 84], то есть представляют собой нечто, что задает направленность экзистенции, тем самым создавая фундамент для существования. Обращаясь к «Словарю русских

синонимов и сходных по смыслу выражений» [1], мы видим, что синонимический ряд понятия «мечта» представлен категориями «греза», «дума», «иллюзия», «самообман», «утопия», «фантазия». Мечту мы определяем как «мысленный образ чего-л. сильно желаемого, манящего» [5], однако этот образ является чем-то нереальным, недостижимым; он существует лишь в фантазии.

Мечта как экзистенциал выступает в первую очередь как иллюзия, фантазийный образ, который помогает скрыть враждебную реальность на уровне сознания и дает человеку основу для существования; мечта, в отличие от надежды, не базируется на вере и не представляет собой акт уверенности.

Период Великой депрессии породил враждебную для человека обстановку: существование человека свелось к выживанию в тяжелых условиях, для чего необходимы были определенные основания, способы преодоления данной ситуации. В один ряд с экзистенциалом «надежда» можно полноправно поставить и экзистенциал «мечта», который включен в список экзистенциальных категорий, необходимых для исследования конкретных произведений Дж. Стейнбека.

О Джоне Стейнбеке и его произведениях как объектах научного исследования

Джон Эрнст Стейнбек (John Ernst Steinbeck) – всемирно известный американский писатель, лауреат Пулитцеровской (1940) и Нобелевской (1962) премий. Стейнбек оставил после себя богатое творческое наследие: перу писателя принадлежат более десяти романов, повести, два сборника рассказов, а также документальная проза и киносценарии. Многие произведения были экранизированы. Стейнбек родился в Салинасе (Калифорния) в 1902 году. Известность Джону Стейнбеку принес юмористический рассказ «Квартал Тортилья-Флэт» («Tortilla Flat», 1935), а его успех как писателя укрепился благодаря публикации повести «О мышах и людях» (1937) и выходу одноименной пьесы на Бродвее. В 1939 году был опубликован роман «Гроздь гнева», ставший вершиной творческого наследия Джона Стейнбека. Газета «New York Times» назвала «Гроздь гнева» самой продаваемой книгой 1939 года. В 1940 году за свой роман Джон Стейнбек получил Пулитцеровскую премию.

Произведения Джона Стейнбека затронули проблемы, актуальные не только для американского народа, но и для всего человечества. Наибольший интерес вызывают темы человека и общества, центральные в творчестве Дж. Стейнбека. Ряд исследований посвящен библейским аллюзиям, которые проходят через многие произведения американского писателя (работы Д. Фонтенроуза и Д. Дитски, А. Уэлша). Ф. И. Карпенгер уделяет огромное внимание проблеме американской мечты в произведениях Дж. Стейнбека. В работах Г. Мура, П. Лиски и Р. Гейла исследовалось художественное своеобразие, особенности идейного содержания и проблематики произведений писателя. Отечественные исследования творчества Джона Стейнбека представлены трудами Р. Д. Орловой, И. А. Левидовой, Л. И. Ждановой, С. С. Батурина, А. С. Мулярчика, Г. П. Злобина, Б. А. Гиленсона.

Экзистенциальные категории в романе «Гроздь гнева» и в повести «О мышах и людях»

Посредством анализа трудов С. Кьеркегора, К.Ясперса, М. Хайдеггера, Ж.-П.Сартра, А. Бергсона, а также в результате обращения к историко-культурным истокам экзистенциализма нами был составлен список экзистенциальных категорий, включающий следующие элементы: 1. Мечта и надежда как экзистенциалы «опоры и преодоления». 2. Смысл жизни и поиск «опор» для жизни. 3. Переживание пограничной ситуации как способ переоценки ценностей и жизненных ориентиров. 4. Свобода, выбор и ответственность: реализация в ситуации морально-нравственного выбора. Данный список включает только те категории, которые имеют место в анализируемых произведениях Дж. Стейнбека и связаны с проблемой существования человека в ракурсе сюжета данных произведений.

К экзистенциалам «опоры и преодоления» в произведениях Дж. Стейнбека относятся «мечта» и «надежда». Мечта в повести «О мышах и людях» выступает, в первую очередь, как иллюзия лучшей жизни, помогающая человеку пережить тяжелые условия и поверить в то, что в будущем его ожидает спокойная и счастливая жизнь. Под гнетом обстоятельств люди создают образ лучшего будущего, чтобы забыть о повседневных проблемах и найти смысл для того, чтобы жить и двигаться дальше. Для персонажей, объединенных общей непростой судьбой, мечта – схожий образ счастливой и свободной жизни, однако каждый наделяет этот образ своим особым смыслом, в зависимости от индивидуальных особенностей и личной трагедии, которую ему пришлось пережить.

Данная категория наиболее ярко раскрывается на примере центральных персонажей – Джорджа Милтона и Ленни Хили. Джордж и Ленни ведут образ жизни бродяг, у них нет пристанища, нет семьи. Они скитаются с фермы на ферму, чтобы получить работу и временный кров. Такой жизненный уклад

знаком героям давно; мало шансов, что в будущем что-то изменится, и Джордж это понимает. Чтобы придать какой-то смысл такому бесцельному существованию, он конструирует идеализированный образ фермы: *«Когда-нибудь мы подкопим деньги да купим маленький домик, несколько акров земли, корову, свиней...»* [13: 416]. Конюх по прозвищу Горбун испытывает угнетение из-за своей расовой принадлежности. Герой одинок, он живет изолированно, остальные работники ранчо избегают его общества. Оказавшись в компании Джона и Ленни, Горбун понял, что сможет получить то, чего он был лишен многие годы – человеческое общение. Герой, который меньше всех верил в то, что его жизнь когда-нибудь изменится, тоже поддался мечте о лучшей жизни: *«Если вы, ребята, захотите иметь дарового работника, только за харчи, я с охотой пойду к вам»* [13: 460]. Мечта о ранчо для Горбуна связана с избавлением от одиночества и угнетения, с обретением чувства равенства.

Подобным образом категория «мечта» раскрывается в романе «Гроздь гнева». Члены семьи Джоудов в ожидании приближающейся поездки в Калифорнию создают гиперболизированные образы прекрасной и счастливой жизни в процветающем штате: *«Там все будет по-другому – работы вдоволь, места красивые, везде зелень, дома беленькие, куда ни глянь – апельсиновые деревья»* [14: 95]. Эти образы далеки от реальности и сами герои это понимают, однако продолжают создавать иллюзии лучшей жизни. Дорога до Калифорнии – очень долгая и трудная; фантазийные картины будущего помогают героям решиться на этот путь и найти в себе силы, чтобы его преодолеть.

В исследуемых произведениях находит отражение и категория «надежда». Так, в повести «О мышах и людях» надежда как акт уверенности связана с кратковременным обретением персонажами веры в исполнение своей мечты. По сюжету работник ранчо по прозвищу Огрызок случайно услышал разговор Джорджа и Ленни об их будущем ранчо. Он, имея некоторые денежные сбережения, предложил им объединиться и купить ферму совместно. В этот момент мечта стала ближе к реальности, герои поверили в то, что все их замыслы непременно исполнятся: *«Они смотрели друг на друга с удивлением. Они никогда не верили, что такое может сбыться»* [13: 448].

И в повести «О мышах и людях», и в романе «Гроздь гнева» в качестве «опор для жизни» выступают ценности, которые человек может получить только от другого человека. Исследуемая категория в произведениях представлена, в первую очередь, в виде таких экзистенциалов, как дружба и семья. В повести «О мышах и людях» мы видим, что постоянное перемещение по стране в поисках работы заставило многих сезонных рабочих во время Великой депрессии отказаться от компаньонов и странствовать в одиночку. Товарищество Джорджа и Ленни является подтверждением того, как важно найти «опору» в виде человеческой поддержки в непростых обстоятельствах. Они являются единственными персонажами в повести, которые смогли избежать угнетающего чувства одиночества, став опорой друг для друга в трудное время: *«У нас есть будущее. И тебе и мне есть с кем поговорить, о ком позаботиться»* [13: 433]. В романе «Гроздь гнева» основной «опорой» для главных героев становится их семья. Путь Джоудов до Калифорнии способствовал укреплению их родственных связей, а также обозначил для большинства персонажей семью как наивысшую ценность.

Что касается категории «переживание пограничной ситуации как способа переоценки ценностей и жизненных ориентиров», на примере произведений Джона Стейнбека прослеживается несколько путей развития личности во враждебных обстоятельствах: одни персонажи, переживая тяжелые условия, становятся жестокими и теряют способность к состраданию и сочувствию к своим ближним; другие даже в самые трудные времена не отказываются от своих ценностей и продолжают следовать своим нравственным ориентирам.

В романе «Гроздь гнева» на долю фермеров-арендаторов выпали экстремальные условия, в которых им приходилось бороться за свое существование. Некоторые из них ради того, чтобы заработать и прокормить семью, соглашались «работать на банки» и собственноручно лишали своих знакомых дома и земли, становясь предателями в их глазах. Джоудам, как и многим семьям, приходится столкнуться с нечеловеческими условиями, однако среди всех бедствий герои не теряют собственного достоинства и помогают каждому, кто попал в беду. Для Ма Джоуд семья является наивысшей ценностью: *«Что у нас осталось в жизни? Только мы сами, больше ничего. Только семья и осталась...»* [14: 40]. Она сохраняет веру в семейные узы даже в период тяжелейших для нее потерь. Роза Сарона на протяжении всего произведения предстает перед нами весьма эгоистичным персонажем, но такие обстоятельства, как уход мужа, смерть близких и рождение мертвого ребенка заставляют молодую женщину иначе взглянуть на мир. Через глубокое отчаяние героиня обретает истину, переосмысливает свои ценности и больше не верит бесплотным фантазиям. В финальной сцене произведения она помогает выжить умирающему от голода человеку, накормив его грудным молоком.

Самой яркой ситуацией, в которой раскрывается проблема выбора, является убийство Джорджем

своего друга Ленни в повести «О мышах и людях». На первый взгляд может показаться, что этот поступок противоречит моральным нормам и является крайне жестоким и бесчеловечным. Но нас интересует индивидуальное отношение героя к своему выбору и тот смысл, который лично он вложил в свой поступок, так как мы рассматриваем выбор как свободное действие, которое человек совершает, руководствуясь собственными внутренними побуждениями. Джордж понимал, что Ленни за убийство жены Кудряша ждет жестокая расправа; чтобы уберечь своего друга от такой участи и избавить его от страданий, он позволил себе распорядиться его жизнью. Его выбор – проявление его последней заботы о друге. Кроме того, Джордж в полной мере осознал, что Ленни не может существовать в обществе, а его действия несут в себе опасность. Джордж признал, что у Ленни нет счастливого будущего, и даже если он сможет избежать наказания, скорее всего, трагедия повторится еще раз. Для Джорджа убийство друга – это действительно тяжелый выбор. Он понимает, что смерть Ленни обрекает его на одиночество, а все мечты, существовавшие только благодаря вере Ленни, теряют всякий шанс на воплощение. Но он принимает ответственность за все последствия, какими бы тяжкими для него они ни были.

Заключение

Экзистенциализм в литературе может быть рассмотрен не только на основании общепринятых экзистенциальных мотивов, таких как одиночество, отчуждение, страх, но и с точки зрения экзистенциальных категорий, которые сопутствуют экзистенции и представляют собой общепринятые человеческие ценности.

В творчестве Джона Стейнбека подробным образом раскрываются основные экзистенциальные категории, и встречаются они на регулярной основе. Наиболее частотны категории, связанные с проблемой существования человека в заданной ситуации и представляющие собой экзистенциалы «опоры и преодоления», такие как «мечта» и «надежда», что напрямую связано с воссозданным автором контекстом. Как было сказано выше, эти экзистенциалы «работают» только в ситуации общения людей, взаимопомощи и взаимной поддержки. В романе «Гроздь гнева», как и в повести «О мышах и людях», Стейнбек разоблачает природу американской мечты, изображая ее как недостижимый образ, стремление к которому приводит к трагическим последствиям. Но вместе с тем мечта в произведениях Стейнбека становится неотъемлемой частью мышления американского народа, которому пришлось столкнуться с тяжелейшими условиями.

Рассмотрение литературного творчества с помощью «экзистенциального» подхода с точки зрения экзистенциальных категорий помогает глубже проникнуть в авторский замысел и дать более глубокую характеристику литературным персонажам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – Текст : электронный. – URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov (дата обращения: 04.12.22).
2. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания / А. Бергсон. – Текст : электронный. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000739/index.shtml> (дата обращения: 04.12.22)
3. Бурханов А.Р. Экзистенциалы человеческого бытия как модусы западной постнеклассической философии: диссертация ... кандидата философских наук / А.Р. Бурханов. – Омск, 2015. – 140 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусского языка / В.И. Даль. – Текст : электронный. – [Россия], cop. 2008-2017. – URL: <https://www.slovardalja.net/> (дата обращения: 04.12.22).
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Текст : электронный. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 04.12.22).
6. Коссаk Е. Экзистенциализм в философии и литературе / Е. Коссаk [пер. с пол. Э.Я. Гессен]. – М. : Издательство политической литературы, 1980. – 359 с.
7. Кузьмина Е.И. Психология свободы : теория и практика / Е.И. Кузьмина. – Текст : электронный. – СПб. : Питер, 2007. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=172879&p=1> (дата обращения: 04.12.22).
8. Кьеркегор С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор [пер. с дат. Исаева Н.В., Исаев С.А. – М. : Академический Проект, 2014. – 160 с.
9. Кьеркегор С. Наслаждение и долг / С. Кьеркегор [пер. П.Г. Ганзен]. – М. : Издательство Юрайт,

2019. – 268 с. – ISBN 978-5-534-11159-0. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/495745> (дата обращения: 04.12.22).

10. Омарбекова С.В. «Восходящая диалектика» веры, надежды и любви как экзистенциалов человеческого бытия / С.В. Омарбекова // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2010. – №2. – С. 82-86. – Текст : электронный // Эко-вектор : портал научных журналов. – СПб, сор. 2015-2021. – URL: <https://vestnik.nvsu.ru/2311-1402/article/view/49142> (дата обращения: 04.12.22). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

11. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр. – Текст : электронный // Научно – просветительский журнал «Скепсис». – URL: https://sceptis.net/library/id_545.html (дата обращения: 04.12.22).

12. Смирнова Т.Н. О понятии экзистенциалов в философии человека и культуры / Т.Н. Смирнова. – DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.076 // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – Т. 8. – № 4А. – 2019. С. 166-170.

13. Стейнбек Дж. О мышах и людях / Дж. Стейнбек [пер. В. Хинкис] // Джон Стейнбек : собрание сочинений в шести томах. – М. : Издательство «Правда», 1989. – Т.2. – С. 407-484.

14. Стейнбек Дж. Гроздь гнева / Дж. Стейнбек [пер. Н. Волжина] // Джон Стейнбек : собрание сочинений в шести томах. – М. : Издательство «Правда», 1989. – Т.3. – С. 5- 478.

15. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. — Харьков: «Фолио», 2003. — 503 с.

16. Шрейдер Ю.А. Смысл / Ю.А. Шрейдер. – Текст: электронный // Новая философская энциклопедия. – URL : <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new> (дата обращения: 04.12.22).

17. Ясперс К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Смысл и назначение истории / К. Ясперс [пер. с нем.]. – М. : Политиздат, 1991. – С. 287-418.

18. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / К. Ясперс. – Текст : электронный // Литмир: электронная библиотека. – URL : <https://www.litmir.me/br/?b=592948&p=1> (дата обращения: 04.12.22).

19. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / Ясперс К. – Текст: электронный. – URL : <https://fb2.top/prosvetlenie-ekzistencii-350697> (дата обращения: 04.12.22).

20. John Steinbeck Biography / Encyclopedia of world biography [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.notablebiographies.com/Sc-St/Steinbeck-John.html> (дата обращения: 04.12.22).

21. Krugman P. End This Depression Now! / P. Krugman. – N.Y. : W. W. Norton & Company Inc., 2012. – 165 p.

22. National Steinbeck Center [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.steinbeck.org/> (дата обращения: 04.12.22).

23. Rothbard M. America's Great Depression // M. Rothbard. – Alabama : Mises Institute. – 418 p. – ISBN No.: 978-0945466-05-8.

24. Steinbeck J. Of Mice and Men / J. Steinbeck ; with an introd. by Susan Shillinglaw. – London : Penguin Classics, 1994. – 105 p. – ISBN 978-0-14-018642-0.

25. Steinbeck J. The Grapes of Wrath and Other Writings / J. Steinbeck. – N.Y. : Literary Classics of the United States, 1996. – 1067 p. – ISBN 1-883011-15-9.

REFERENCES

1. Abramov N. Dictionary of Russian synonyms and similar expressions. Available at: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov (accessed: 04.12.22) (In Russ.)

2. Bergson H. An Essay on the Immediate Data of Consciousness. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000739/index.shtml> (accessed: 04.12.22) (In Russ.)

3. Burkhanov A.R. Existentials of human existence as modes of western post-non-classical philosophy. Omsk, 2015. 140 p. (In Russ.)

4. Dahl V. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Available at: <https://www.slovardalja.net/> (accessed: 04.12.22) (In Russ.)

5. Efremova T. F. New dictionary of the Russian language. Available at: <https://www.efremova.info/> (accessed: 04.12.22) (In Russ.)

6. Heidegger M. Being and Time. Kharkov, 2003. 503 p. (In Russ.)
7. Jaspers K. Philosophical World Orientation (volume I). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=592948&p=1> (accessed: 04.12.22) (In Russ.)
8. Jaspers K. The Illumination of Existence (volume II). Available at: <https://fb2.top/prosvetlenie-ekzistencii-350697> (accessed: 04.12.22). (In Russ.)
9. Jaspers K. The Spiritual Situation of Time. Meaning and Purpose of History. Moscow, 1991. P. 287-418 (In Russ.)
10. John Steinbeck Biography / Encyclopedia of world biography. Available at: <https://www.notablebiographies.com/Sc-St/Steinbeck-John.html> (accessed: 04.12.22).
11. Kierkegaard S. Enjoyment and duty. Available at: <https://urait.ru/bcode/495745> (accessed: 04.12.22) (In Russ.)
12. Kierkegaard S. The Sickness unto Death. Moscow, 2014. 160 p. (In Russ.)
13. Kossak E. Existentialism in Philosophy and Literature. Moscow, 1980. 359 p. (In Russ.)
14. Krugman P. End This Depression Now! / P. Krugman. – N.Y. : W. W. Norton & Company Inc., 2012. – 165 p.
15. Kuzmina E.I. Psychology of freedom : theory and practice. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=172879&p=1> (accessed: 04.12.22) (In Russ.)
16. National Steinbeck Center. Available at: <https://www.steinbeck.org/> (accessed: 04.12.22).
17. Omarbekova S.V. The ascending dialectic of Faith, Hope and Love as existentials of human existence. Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2010. No 2. Available at: <https://vestnik.nvsu.ru/2311-1402/article/view/49142> (accessed: 04.12.22) (In Russ.)
18. Rothbard M. America's Great Depression // M. Rothbard. – Alabama : Mises Institute. – 418 p. – ISBN No.: 978-0945466-05-8.
19. Sartre J.-P. Existentialism Is a Humanism. Available at: https://scepis.net/library/id_545.html (accessed: 04.12.22) (In Russ.)
20. Shreyder Y.A. the Essence. Available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new> (accessed: 04.12.22). (In Russ.)
21. Smirnova T.N. On the concept of existentials in the philosophy of man and culture. Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. 2019. Vol 8. No 4A. P. 166-170. DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.076 (In Russ.)
22. Steinbeck J. Of Mice and Men / J. Steinbeck ; with an introd. by Susan Shillinglaw. – London : Penguin Classics, 1994. – 105 p. – ISBN 978-0-14-018642-0.
23. Steinbeck J. The Grapes of Wrath and Other Writings / J. Steinbeck. – N.Y. : Literary Classics of the United States, 1996. – 1067 p. – ISBN 1-883011-15-9.

MAIN EXISTENTIAL CATEGORIES IN WORKS OF JOHN STEINBECK

**VASILEVA
Svetlana**

*Candidate of philosophical sciences,
Associate Professor of the Department of Germanic
Philology and Scandinavistics,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, milorada07@mail.ru*

**PAVLOVA
Ekaterina**

*Master degree candidate,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, hilfcol88@yandex.ru*

Keywords:

John Steinbeck
The Grapes of Wrath
Of Mice and Men
existential category
existential
value category
pillar for existence

Summary:

This article is devoted to the works of John Steinbeck from the position of the functioning of the main existential categories or "existentials" of human Being. Existentialism is considered here as a phenomenon that has gone beyond specific philosophy and literature and entered the cultural tradition as a conglomerate of issues that directly concern anthropology. Existential categories are derived as a result of the analysis of the philosophical and cultural base of existentialism, as well as by means of addressing a specific historical situation. The term "existential" belonging to M. Heidegger is interpreted here as a "base-forming value category", "pillar for existence" and is used as an element of literary analysis. The authors identify and investigate a number of existentials characteristic for literature and capable of being modified in the angle of the plot of a particular work. As a result of the study, it is concluded that in the works of J. Steinbeck, existential categories associated with the problem of human existence in a specific situation and representing the existentials of "support and overcoming" are the most frequent. This is a "dream", "hope", "meaning of life", which is directly related to the context recreated by the author. In general, the analysis of a literary work from the angle of the functioning of existential categories allows to analyse the work in its historical and cultural terms, as well as to make a deeper and more comprehensive characteristic of a literary character.

УДК 94

АРКТИКА И СЕВЕР ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – 2022

**СУСЛОВА
ЕВГЕНИЯ
ДМИТРИЕВНА**

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Института истории, политических и социальных
наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
evgenia.suslova@mail.ru*

Ключевые слова:

Петрозаводский государственный университет
Гуманитарный инновационный парк
научная конференция
Северо-арктический регион
Карелия
экспедиционная деятельность

Аннотация:

В статье рассказывается об организованной Гуманитарным инновационным парком Петрозаводского государственного университета конференции, посвященной анализу итогов экспедиционной деятельности ученых 2022 года в Северо-арктическом регионе России. Получив статус всероссийской, конференция не имеет аналогов, так как является площадкой для междисциплинарного диалога между исследователями разных направлений и регионов с целью обмена опытом, комплексного осмысления собранных в ходе экспедиций данных и генерирования новых идей для всестороннего развития Российского Севера и Арктики.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 24 декабря 2022 года

Опубликована: 24 декабря 2022 года

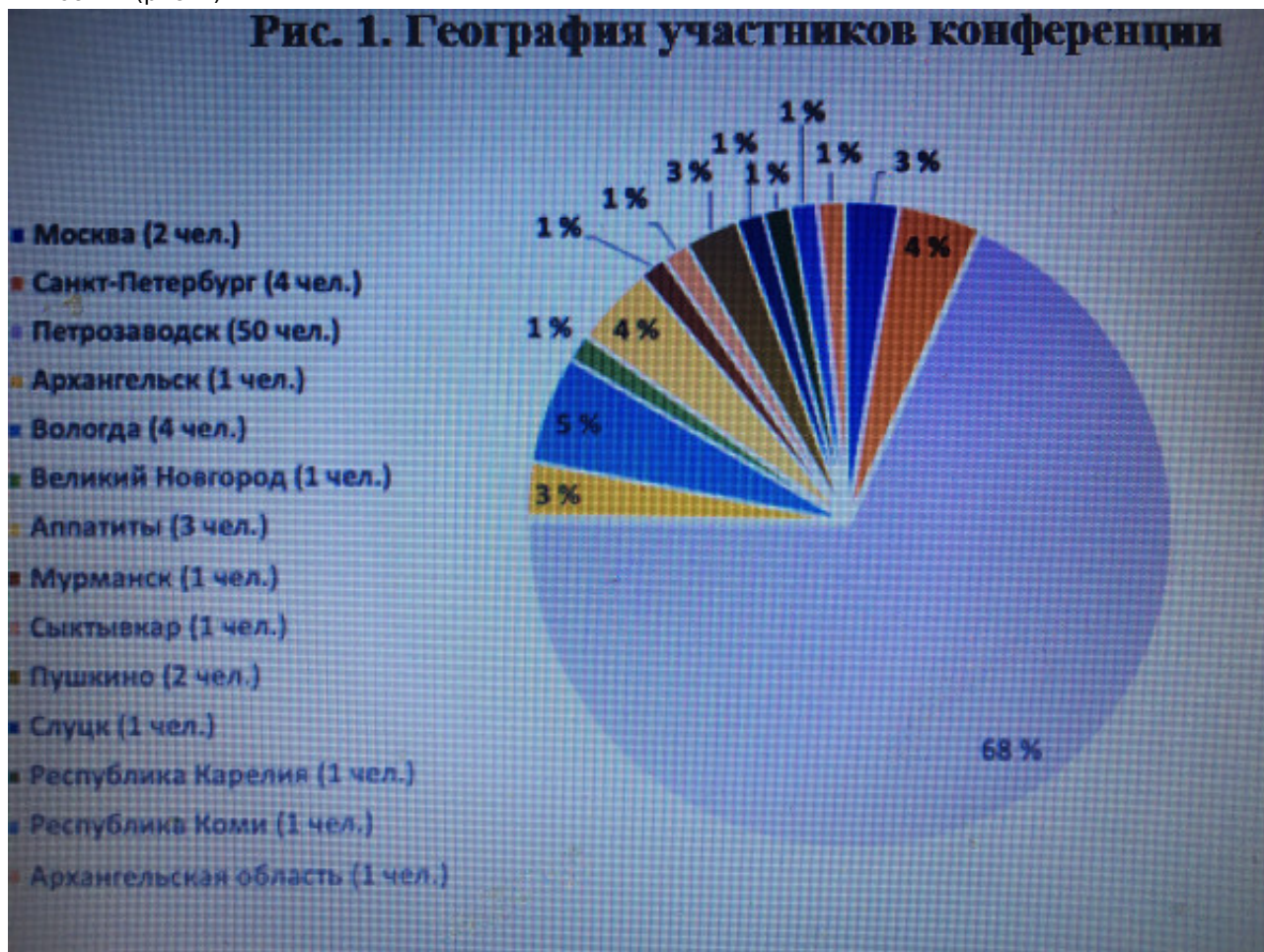
1. Открытие конференции и пленарное заседание

6 и 7 декабря 2022 года на базе Гуманитарного инновационного парка Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) состоялась Всероссийская с международным участием научная конференция «Арктика и Север глазами ученых: результаты экспедиционной деятельности – 2022», организованная при поддержке членов Северо-европейского открытого научно-образовательного консорциума (СЕОНОК) и ООО «Кондопожское дорожное ремонтно-строительное управление».

Перед участниками, гостями и слушателями, которые в ожидании важного события собрались в просторной 361-ой аудитории, заранее обставленной сотрудниками Научной библиотеки ПетрГУ многочисленными стендами с наиболее значимыми научными работами ученых Университета, выступил молодежный ансамбль народной музыки ПетрГУ «Тойве», талантливо исполнивший традиционные народные песни и танцы жителей Республики Карелия.

Конференцию открыла директор Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ, председатель оргкомитета, доктор культурологии, профессор Института истории, политических и социальных наук (далее — ИИПСН) Ирина Михайловна Суворова. Во вступительном слове И. М. Суворова обратила внимание слушателей на изменение статуса конференции, проводимой уже четвертый год на базе Гуманитарного инновационного парка. Впервые, подчеркнула И. М. Суворова, конференция стала

всероссийской с международным участием и объединила ученых из Беларуси (1 чел.) и девяти регионов России (72 чел.), которые проводят свои исследования на базе ведущих научных центров Северо-Запада и Москвы (рис. 1).

Впервые была расширена территория, поставленная в фокус исследования: первоначально она охватывала Республику Карелия, теперь — Арктику и Север России. Как отметила И. М. Суворова, конференция не имеет аналогов, так как проводится с целью обсуждения учеными разных специальностей итогов экспедиционной деятельности и призвана стать междисциплинарной площадкой для обмена мнениями и генерирования новых идей с целью углубленного изучения значимого для России в современных реалиях Северо-арктического региона.

В приветственном слове проректор по научно-исследовательской работе ПетрГУ, председатель научного комитета конференции, профессор Владимир Сергеевич Сюнёв поздравил всех участников, гостей и студентов с открытием конференции и выразил надежду, что конференция станет традиционной. Стремясь возродить в течение последних лет почти утраченную в конце 1990-х годов традицию проведения экспедиций, Университет, подчеркнул В. С. Сюнёв, создал на базе Гуманитарного инновационного парка экспедиционный центр, который сумел сплотить ученых разных направлений. Опыт проведения комплексных экспедиций в 2019–2022 годах, по убеждению В. С. Сюнёва, оказался более чем востребованным, о чем свидетельствуют потрясающие результаты, с которыми уже познакомили широкую аудиторию участники экспедиций.

На пленарном заседании были заслушаны все пять запланированных докладов. Профессор И. М. Суворова рассказала о непростой работе, которая проводилась Гуманитарным инновационным парком в 2022 году по подготовке и освещению этапов проведения каждой из двенадцати курируемых в отчетном году парком экспедиций, и произнесла слова благодарности руководителям экспедиций – ученым и преподавателям ПетрГУ, которые не просто приняли участие в научной деятельности Университета, но и возложили на свои плечи потребовавшую полной самоотдачи задачу по воспитанию молодого поколения исследователей. Обратив внимание аудитории на существенный рост количественных показателей экспедиционной деятельности Гуманитарного инновационного парка

ПетрГУ, профессор И. М. Суворова уверенно заключила, что экспедиционная деятельность развивается более чем успешно и привлекает все новых исследователей, которые, раз приняв участие, в буквальном смысле слова «заражаются» идеей экспедиции и продолжают начатое с еще большим энтузиазмом.

Заведующая Этнографическим научно-образовательным центром Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва), доктор исторических наук Елена Сергеевна Данилко посвятила доклад анализу проблем сбора и интерпретации визуальной информации в полевых экспедициях, в ходе которых автор собирает сведения о традиционных практиках и культуре современных староверческих общин. От разработки методологических принципов, подчеркнула ученый, зависит решение главного вопроса о сохранении объективной реальности и представлении ее в наиболее привлекательных формах. Продемонстрировав два отрывка из видеороликов, на которых запечатлены беседы с интервьюируемыми, Е. С. Данилко, с опорой на накопленный в визуальной антропологии опыт, поделилась собственными методологическими наработками.

Доцент ИИПСН ПетрГУ, кандидат исторических наук Александр Михайлович Жульников осветил основные итоги археологической экспедиции студентов ИИПСН ПетрГУ, которая состоялась летом 2022 года в рамках организуемой для них полевой практики. Стремясь осмыслить природу наскальных изображений, руководитель экспедиции поставил целью обнаружить вблизи них какие-либо поселения. Студенческий отряд, возглавляемый А. М. Жульниковым, произвел два раскопа близ поселка Золотец Беломорского района Республики Карелия. В одном из которых обнаружено, по мнению археолога, небольшое поселение, в другом – погребение. Расположенные в 100–150 метрах от петроглифов поселение и погребение, согласно наблюдениям участников экспедиции, были затоплены водой более 6 тысяч лет назад, скорее всего, в результате повышения уровня Белого моря. В ходе раскопок были обнаружены остатки керамики с ямочно-ребенчатыми штампами и наконечники, комплексное изучение которых позволит в ближайшем будущем найти концептуальные ответы на поставленные вопросы.

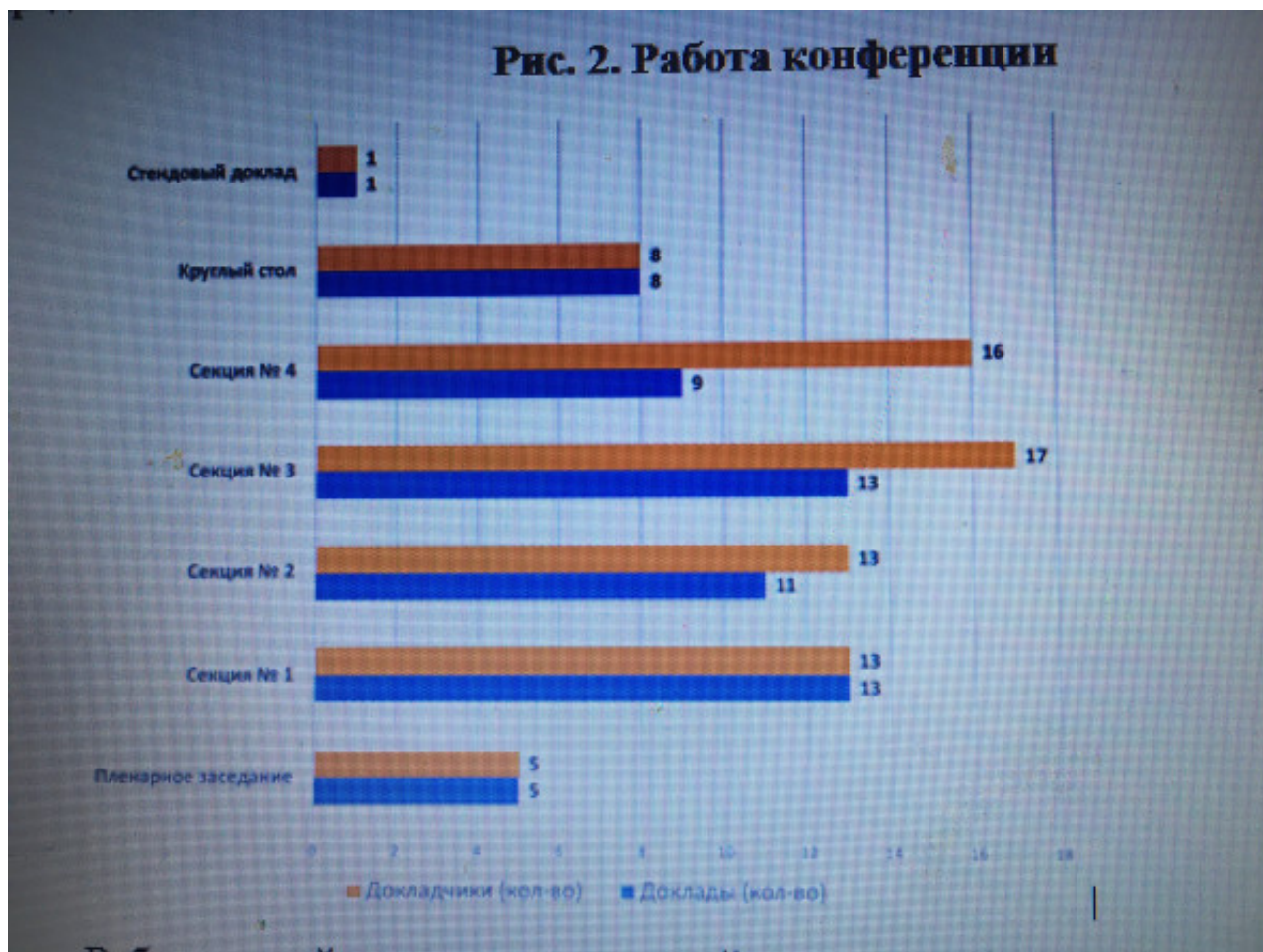
Профессор Института биологии, экологии и агротехнологий, доктор биологических наук Людмила Александровна Сергиенко рассказала об основных результатах экспедиции 2022 года по изучению биоразнообразия приморских территорий Евро-Арктического региона, оценила особенности его современного состояния, что является крайне актуальным для формулирования условий его сохранения в условиях новой фазы интенсивного освоения Арктики. На диаграммах и в таблицах автор представила сведения, отражающие специфику биоразнообразия региона, определила комплекс экологических проблем и продемонстрировала разработанную в рамках проекта карту, отражающую наиболее значимые для сохранения биоразнообразия участки.

Заведующий лабораторией геоэкологии и рационального природопользования Арктики Института проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра РАН Захар Иванович Слукровский поделился личным опытом участия в двух научных экспедициях, которые были совершены в течение года к двум полюсам Земли – в Антарктиду (с 1 декабря 2021 года по 16 марта 2022 года) и Арктику (с 26 августа по 24 сентября 2022 года) при поддержке Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (Санкт-Петербург) и Института океанологии РАН им. П. П. Ширшова (Москва). В рамках экспедиций исследователь взял пробы донных отложений: в Антарктиде – из озер, расположенных близ научной станции Белинсгаузен, а в Арктике – из современных борозд, оставленных ледником в течение последних 100–120 лет. Изучение донных отложений, по убеждению автора, позволит проследить, как шло их формирование.

Особое внимание З. И. Слукровский уделил крайне любопытному для всех гостей и участников конференции вопросу – о том, как ему удалось организовать экспедиции и как они проходили. Исследователь рассказал о пути следования к местам назначения, особенностях повседневной жизни и работы. Буквально «из первых рук» гости не только услышали, но и увидели – благодаря фото и видеоряду – как функционирует в настоящее время научная российская полярная станция Беллинсгаузен, расположенная на свободном от льда полуострове Файлдс в Антарктиде. После завершения пленарного заседания З. И. Слукровский поделился впечатлениями о конференции. Докладчик отметил, что ему очень приятно, как выпускнику ПетрГУ, выступать на конференции в новом качестве – ученого и рассказать о своем научно-исследовательском опыте. Будучи уверенным в том, что проводимая Гуманитарным инновационным парком ПетрГУ конференция – уникальное поле для рождения междисциплинарных коллабораций, исследователь выразил готовность поделиться советами и помочь тем, у кого возникнет желание совершить научную экспедицию в Антарктиду.

2. Состав участников и работа секций

В рамках первого дня конференции работа велась в четырех секциях, из которых наиболее представительными по числу докладчиков и представленных докладов стала третья (рис. 2).

Работа в этой секции, получившей название «Природа Арктики и Севера в фокусе научных исследований» (модераторы – профессор ИБЭА ПетрГУ Людмила Александровна Сергиенко, заведующая кафедрой ботаники и физиологии растений ИБЭА ПетрГУ Анжелла Валерьевна Сони́на), отличалась междисциплинарным характером. С докладами выступили доктора и кандидаты географических и биологических наук, а также начинающие свой путь в науку исследователи. Представленные слушателям доклады были посвящены разнообразному кругу вопросов – от изучения ландшафтов и традиционных промыслов Поморья до оценки состояния акваторий Северных морей, прибрежных экосистем Белого моря, разработки инновационных подходов к исследованию литорали озер Приладожья, разработки новых экологических маршрутов национального парка «Паанаярви».

Доцент Российского государственного гидрометеорологического университета, кандидат географических наук Нина Александровна Бродская, выступившая на секции с докладом, в котором осветила подходы к оценке вклада рек в загрязнение акваторий Северных морей, подчеркнула высокий уровень подготовки докладов всеми участниками секции. Отметив глубину собранных исследователями данных и новизну озвученных выводов, Н. А. Бродская поделилась собственным мнением: «Ни один доклад не пропустила. Все было очень интересно и значимо в контексте моих собственных исследований, посвященных исследованию современного состояния гидросферы Земли».

Секция № 2 «Человек Северо-арктического региона: здоровье, условия жизни и деятельности» (модератор – доцент ИИПСН, кандидат социологических наук Ю. А. Петровская) стала еще более представительной площадкой для диалога ученых разных специальностей. Доктора и кандидаты медицинских, биологических, технических, экономических, социологических и филологических наук совместно с начинающими исследователями обсудили широкий круг вопросов – о состоянии организма человека Северо-арктической зоны, особенностях сохранения и развития сферы социальных услуг и туристского потенциала и многие другие.

Наибольшее количество молодых и начинающих исследователей выступили с докладами в рамках первой и четвертой секций (рис. 3).

Представленные на секциях № 1 и № 4 доклады были посвящены итогам экспедиционной деятельности студентов и преподавателей ПетрГУ – отчету о выездах, анализу собранного материала, также как и представлению конкретных практических результатов.

Секция № 1 «Язык и культура Северо-арктического региона в оптике научных исследований» (модератор – руководитель Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ, кандидат филологических наук Е. Р. Гусева) собрала вокруг себя специалистов-филологов, в то время как секция № 4 – «Историко-культурное наследие Севера и Арктики: проблемы сохранения и репрезентации» (модератор – руководитель Центра генеалогии и истории семей Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ, кандидат педагогических наук Ольга Юрьевна Кулаковская) – специалистов-историков и педагогов. Гости и докладчики в буквальном смысле слова «с головой» погрузились в мир экспедиций ученых, совершенных с целью осмысления богатейшего историко-культурного прошлого Северо-Арктического края.

3. Конференция в призме секции по изучению историко-культурного наследия Севера и Арктики

Секция № 4 проходила на базе Музея ПетрГУ и собрала как ученых, получивших мировое признание, так и студентов, еще только начинающих свой путь в науку. Секцию открыл доклад старшего научного сотрудника Коми научного центра Уральского отделения РАН, кандидата исторических наук Татьяны Петровны Филипповой, которая реконструировала с опорой на архивные документы и дореволюционные издания ход и результаты Тиманской экспедиции, состоявшейся в 1889–1890 годах и сыгравшей значимую роль в природном освоении Печерского края. Вслед за этим главный библиограф Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат исторических наук Александр Николаевич Старицын, демонстрируя интересный фоторяд, выступил с рассказом о том, как прошла организованная им рекогносцировочная экспедиция на Топозеро (Лоухский район Республики Карелия), где располагался старинный Топозерский староверческий монастырь, основанный выходцами с Выга в 40-е годы XVIII века.

Освещая результаты экспедиционной деятельности Центра генеалогии и истории семей в 2022 году, О. Ю. Кулаковская отметила, что Центр осуществил в минувшем году 38 выездов в районы Карелии в 23 населенных пункта, в которых провел более 60 мероприятий (еще несколько поездок предполагается провести в декабре). Размах деятельности Центра вызвал восхищение участников конференции, которые не понаслышке знают, сколько сил, времени и средств требуется для

организации и проведения экспедиций.

Сотрудник Карельской региональной общественной организации «Клуб молодежных проектов и инициатив», начальник управления довузовской и профориентационной работы, кандидат исторических наук Наталья Юрьевна Кузнецова рассказала о культурно-просветительских студенческих проектах, реализованных в 2021–2022 годах. Организуемые при поддержке грантов разных фондов выезды для студентов в места, которые они вряд ли посетили бы сами, отметила Н. Ю. Кузнецова, имеют первостепенной целью знакомство молодежи с традициями и культурой Карелии и сопредельных с ней регионов. Несмотря на это, организаторы обсуждают крайне актуальный вопрос о поиске вариантов конкретного воплощения результатов поездок. По убеждению Н. Ю. Кузнецовой, для подобных выездов сотрудники клуба уже разрабатывают и внедряют практический и научно-исследовательский компоненты, которые имеют непреходящую значимость как для самих студентов, так и для тех организаций, которые их принимают. Уже на данном этапе, отметив опыт создания участниками выездов короткометражных фильмов, мультфильмов и моделей природных ландшафтов, которые оказались востребованы общественностью, Н. Ю. Кузнецова не сомневается в том, что участие в подобных проектах позволит помочь студентам утвердиться в стремлении заниматься наукой.

Руководитель Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (далее – ИЛЛМИК) Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ, доцент ИИПСН Ирина Александровна Чернякова, обратив внимание на более чем недостаточную представленность в виртуальном интернет-пространстве истории Арктической Карелии, связала этот факт с очевидно низкой востребованностью конкретного исторического знания. Подчеркнув, что край, хотя и расположенный на периферии, обладает древней и хорошо обеспеченной разнообразными источниками историей, И. А. Чернякова рассказала слушателям о той масштабной работе, которая ведется на базе ИЛЛМИК в течение многих лет по каталогизации двух сельских музеев Ухтинского края – Этно-литературного музея карельского писателя Ортьё Степанова (д. Хайколя, Калевальский район РК) и Музея рунопевцев (пос. Калевала, Калевальский район РК). В дополнение к сказанному исследовательница представила на карте поселенческую структуру старинного Панозерского погоста и продемонстрировала, как она менялась с конца XVI до конца XIX столетия.

На заседании секции были также заслушаны три доклада по итогам экспедиций, осуществленных студенческими коллективами под эгидой Гуманитарного инновационного парка по проектам, реализованным в рамках программы поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ 2022 года, финансируемой Правительством Республики Карелия.

В частности, коллектив студентов ИИПСН – София Трипецкая, София Турова, Елизавета Овчинникова, Егор Юросов и Василиса Вейсман – презентовали слушателям созданный ими в рамках студенческого проекта «Народный музей в Арктической Карелии: перспективы развития в цифровую эпоху» (научный руководитель – И. А. Чернякова) мультимедийный гид по Дому-музею карельских рунопевцев. Отвечая на вопрос А. Н. Старицына о том, стали ли участники экспедиции специалистами в области изучения предметов старины, студенты отметили, что получили уникальный опыт по описанию на базе музея и последующей камеральной обработке экспонатов. Восхитившись аудиогидом, Е. С. Данилко подчеркнула уникальность сельских музеев отдаленной глубинки, которые таят в себе еще много необычных находок. И. А. Чернякова подчеркнула безусловную значимость проделанной студентами работы для сохранения историко-культурного наследия жителей Калевальского района Республики Карелия.

Доцент ИИПСН, кандидат исторических наук Илья Мотелевич Соломещ и председатель Студенческого научного сообщества ПетрГУ Илья Урядников представили результаты экспедиционной деятельности, проведенной в с. Нюхче в рамках студенческого проекта «Русские говоры Карельского Поморья: цифровая репрезентация народной речевой культуры» (научный руководитель – Е. Р. Гусева). Опираясь на анализ двадцати интервью, взятых у жителей с. Нюхча Беломорского района разного возраста (от 32 до 86 лет), авторы попытались осмыслить, как идентифицируют себя местные жители, считают ли себя и в какой степени «поморами», какой смысл вкладывают в понятие «поморы».

Студент Института лесных, горных и строительных наук Никита Иршинский рассказал о результатах научной экспедиции в Кемский, Беломорский и Лоухский районы Республики Карелия, проведенной в рамках студенческого проекта «Сохранение памятников деревянного зодчества карельской Арктики: история и современность» (научный руководитель – кандидат технических наук Е. И. Ратькова). В ходе экспедиции, как отметил докладчик, были обследованы 17 архитектурных памятников историко-культурного наследия, осуществлены их обмеры с помощью специально купленного для этой цели квадрокоптера и создана 3D-конструкция каждого. Научный руководитель

проекта кандидат технических наук, заведующая кафедрой ЮНЕСКО «Изучение и сохранение деревянной архитектуры» Гуманитарного инновационного парка Е. И. Ратькова отметила, что проведение съемки с помощью квадрокоптера позволило уточнить обмеры, которые были произведены весьма приблизительно во второй половине XX века.

4. Круглый стол «Историко-культурное наследие заповедных территорий Северо-Запада России: проблемы презентации»

7 декабря 2022 года состоялся круглый стол, посвященный проблемам презентации историко-культурного наследия заповедных территорий Северо-Запада России. С содержательными докладами выступили сотрудники Дирекции особо охраняемых природных территорий регионального значения Республики Карелия – начальник отдела экологического просвещения Елена Вячеславовна Кузнецова и трое ее подопечных – выпускники и студенты ИИПСН (Мария Коробейникова, Олеся Кушникова, Елизавета Захарова). В обсуждении проблемы приняли также участие сотрудники национальных парков и заповедников Северо-Запада России – главный хранитель музейных фондов Национального парка «Кенозерский» Анна Ивановна Анциферова, начальник отдела обеспечения туристической деятельности и экологического просвещения Печоро-Илычского государственного природного биосферного заповедника Елизавета Андреевна Максимова и начальник отдела по научной работе и экопросвещению Национального парка «Паанаярви» Анастасия Викторовна Протасова.

Участники обменялись накопленным опытом выявления историко-культурных памятников на территории особо охраняемых природных территорий Северо-Запада России, способов их презентации туристам в условиях действующих на территории парков и заповедников ограничений. Первостепенное внимание было обращено на проблемы, связанные с тем, что большинство историко-культурных памятников, расположенных на территории заповедных зон, почти угасли, о многих из них местные жители уже почти ничего не помнят, поэтому требуются немалые людские и финансовые ресурсы для их выявления; остро стоит вопрос об обеспечении полноценной охраны заповедников, на территории которых расположены памятники. Участники круглого стола – Е. В. Кузнецова и А. В. Протасова – пригласили к сотрудничеству студентов и ученых ПетрГУ.

Особо актуально прозвучал доклад руководителя ИЛЛМИК И. А. Черняковой. Представляя результаты собственного научного исследования о трансформации поселенческой и демографической структуры ныне запустевшего, но еще в начале прошлого столетия процветавшего края – Водлозерья, исследовательница убедительно продемонстрировала богатство историко-культурного наследия народов, населяющих Республику Карелия.

5. Будущее за инновациями

Делясь впечатлениями о конференции, участники из числа гостей ПетрГУ обратили внимание на ее уникальность как междисциплинарной конференции, посвященной осмыслению результатов экспедиционной деятельности. «Чувствуется, – заметила доктор исторических наук Е. С. Данилко, – какое огромное значение придает Петрозаводский государственный университет организации подобного рода конференции как площадки для междисциплинарного общения и обмена научными знаниями между учеными разных направлений». По мнению Е. С. Данилко, впечатляет то, что Университет обращает пристальное внимание на поиск инновационных методов и стратегии сбора информации, также как и на обсуждение конкретных прикладных результатов, и при этом, не замыкаясь в себе, приглашает к сотрудничеству самый широкий круг научной общественности.

Избранный ПетрГУ ракурс вне сомнений является одним из важнейших условий для продвижения на новый уровень научного знания, его конкретного прикладного воплощения с целью всемерного развития Северо-арктического региона, стратегически значимого для России во всех отношениях.

THE ARCTIC AND THE NORTH THROUGH THE EYES OF SCIENTISTS: RESULTS OF EXPEDITIONARY ACTIVITIES IN 2022

**SUSLOVA
Evgenia**

*Candidate of History,
Associate Professor of the Department of Foreign
History, Political Science and International Relations,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
evgenia.suslova@mail.ru*

Keywords:

Petrozavodsk State University
Humanitarian Innovation Park
research conference
Northern Arctic Region
Karelia
expeditionary activities

Summary:

The article describes the fourth conference organized by the Humanitarian Innovation Park of Petrozavodsk State University in order to analyze the results of the expeditionary activities of scientists in the Northern Arctic Region of Russia in 2022. This all-Russian conference is a unique platform for an interdisciplinary dialogue among researchers of various disciplines and from different regions aimed at exchanging experiences, comprehensive understanding and interpretation of the data collected during the expeditions, and generating new ideas for the comprehensive development of the Russian North and the Russian Arctic.